

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://baratynsky.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский

1
Взгляните: свежестью молодой
И в осень лет она пленяет,
И у неё летун седой
Ланитных роз не похищает;
Сам побеждённый красотой,
Глядит – и путь не продолжает!
1818?

2
Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться ль мне, идти ли прочь,
Меж нами долго шли советы.
Но, в чашу светлого вина
Налив с улыбкою лукавой,
«Послушай, – молвила она, –
Вино советник самый здравый».
Я пил; на что ж решился я
Благим внушеньем полной чаши?
Побрёл по слякоти, друзья,
И до зари сидел у Паши.
1818 или 1819

3. К АЛИНЕ
Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был,
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой,
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.
Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал ещё приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живеи
В душе моей возобновились.
Алина! чрез двенадцать лет,
Всё тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу ещё любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.
{1819}

4. ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА
(В альбом)
Любовь и дружбу различают,
Но как же различить хотят?
Их приобрести равно желают,
Лишь нам скрывать одну велят.
Пустая мысль! Обман напрасный!
Бывает дружба нежной, страстной
Стесняет сердце, движет кровь,
И хоть таит свой огонь опасный,
Но с девушкой она прекрасной
Всегда похожа на любовь.

5. ЭПИГРАММА

Дамон! ты начал – продолжай,
Кропай экспромты на досуге;
Возьмись за гений свой: пиши, черти, мараи;
У пола нежного в бессменной будь услуге;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки –
И в награждение любимцем куклы будь
Или соперником собачки.
{1819}

6. ПРОЩАНИЕ

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! Вяну в утро дней!
Не мне стезёю потаённой,
В ночь молчаливую, тишком,
Младую деву под плащом
Вести в альков уединённый.
Бежит изменница любовь!
Светильник дней моих бледнеет,
Её дыханье не согреет
Мою хладеющую кровь.
Следы печалей, изнуренья
Приметит в страждущем она.
Не смейтесь, девы наслажденья,
И ваша скроется весна,
И вам пленять недолго взоры
Младую пышной красотой;
За что ж в болезни роковой
Я слышу горькие укоры?
Я прежде бодр и весел был,
Зачем печального бежите?
Подруги милые! вздохните:
Он сколько мог любви служил.
{1819}

7. К КРЕНИЦЫНУ

Товарищ радостей младых,
Которые для нас безвременно увяли,
Я свиделся с тобой! В объятиях твоих
Мне дни минувшие, как смутный сон, предстали!
О милый! я с тобой когда-то счастлив был!
Где время прежнее, где прежние мечтанья?
И живость детских чувств и сладость упованья?
Всё хладный опыт истребил.
Узнал ли друга ты? Болезни и печали
Его состарили во цвете юных лет;
Уж много слабостей, тебе знакомых, нет,
Уж многие мечты ему чужими стали!
Рассудок твёрже и верней,
Поступки, разговор скромнее;
Он осторожней стал, быть может, стал умнее,
Но, верно, счастием теперь стократ бедней.
Не подражай ему! Иди своей тропой!
Живи для радости, для дружбы, для любви!
Цветок нашел – скорей сорви!
Цветы прелестны лишь весною!
Когда рассеянно, с унынием внимать
Я буду снам твоим о будущем, о счастье,
Когда в мечтах твоих не буду принимать,
Как прежде, пылкое, сердечное участие,
Не сетуй на меня, о друге пожалей:
Всё можно возвратить – мечтанья невозвратны!
Так! были некогда и мне они приятны,

Но быстро скрылись от очей!
Я легковерен был: надежда, наслажденье
Меня с улыбкою манили в тёмну даль,
Я встретить радость мнил – нашёл одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить? Мой друг ещё со мной!
Я не всего лишён судьбой ожесточённой!
О дружба нежная! останься неизменной!
Пусть будет прочее мечтой!
{1819}

8. ПОРТРЕТ В...

Тебя ль изобразить и ты ль изобразима?
Вчера задумчива, я помню, ты была,
Сегодня ветрена, забавна, весела,
Понятна сердцу ты, уму непостижима.
Не все ль противности в характере твоём?
В тебе чувствительность с холодностью совместна,
Непостоянна ты во всём,
И постоянно ты прелестна.
{1819}, 1823–1824

9. ДЕЛЬВИГУ

Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я муз и граций
Променял на вахтпарад;
Сыну милому Венеры,
Роцам Пафоса, Цитеры,
Приуныв, прости сказал;
Гордый лавр и мирт весёлый
Кивер воина тяжёлый
На главе моей измял.
Строю нет в забытой лире,
Хладно день за днём идет,
И теперь меня в мундире
Гений мой не узнаёт!
Мне ли думать о куплетах?
За свирель... а тут беды!
Марс затянутый, в штиблетах
Обегает уж ряды,
Кличет ратников по-свойски...
О судьбы переверот!
Твой поэт летит геройски
Вместо Пинда – на развод.
Вам, свободные пииты,
Петь, любить; меня же вряд
Иль камни, иль хариты
В карауле навелят.
Вольный баловень забавы,
Ты, которому дают
Говорливые дубравы
Поэтический приют,
Для кого в долине злачной,
Извиваясь, ключ прозрачный
Вдохновительно журчит,
Ты, кого зовут к свирели
Соловья живые трели,
Пой, любимец аонид!
В тихой, сладостной кручине
Слушать буду голос твой,
Как внимают на чужбине
Языку страны родной.
1819, {1826}

10. ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ВОСПОМИНАНИЯ»

Посланница небес, бессмертных дар счастливый,
Подруга тихая печали молчаливой,

О память! ты одна беседуешь со мной,
Ты возвращаешь мне отъятое судьбой;
Тобою счастья мгновенья легкокрылы,
Давно протёкшие, в мечтах мне снова милы.
Ещё в забвении дышу отрадой их;
Люблю, задумавшись, минувших дней моих
Вспоминать мечты, надежды, наслажденья,
Минуты радости, минуты огорченья.
Не раз, волшебною взлелеянный мечтой,
Я в ночь безмолвную беседовал с тобой;
И, в дни счастливые на час перенесённый,
Дремал утешенный и с жизнью примирённый.
Так, всем обязан я твоим приветным сном.
Тебя я петь хочу; дай жизнь моим струнам,
Цевнице вторь моей; твой голос сердцу внятен,
И резвой радости, и грусти он приятен.
Ах! кто о прежних днях порой не вспоминал?
Кто жизнь печальную мечтой не украшал?
Смотрите: вот старик седой, изнеможенный,
На ветхих костылях, под ношей лет согбенный,
Он с жизнью сопряжён страданием одним;
Уже могилы дверь отверста перед ним,
Но он живет ещё! Он помнит дни златые!
Он помнит резвости и радости младые!
С товарищем седым, за чашей круговой,
Мечтает о былом и вновь цветёт душой;
Светлеет взор его, весельем дух пылает,
И руку друга он с восторгом пожимает.

...

...

Наскучив странствием и жизни суетою,
Усталый труженик под кровлею родною
Вкушает сладостный бездействия покой;
Благодарит богов за мирный угол свой;
Забытый от людей, блажит уединенье,
Где от забот мирских нашёл отдохновенье;
Но любит вспоминать он были прежних лет,
И море бурное, и столь же бурный свет,
Мечтанья юности, восторги сладострастья,
Обманы радости и ветреного счастья;
Милее кажется ему родная сень,
Покой отраднее, приятней рощи тень,
Уединённая роскошнее природа,
И тихо шепчет он: «Всего милей свобода!»
О дети памяти! О фебовы сыны!
Певцы бессмертные! кому одолжены
Вы силой творческой небесных вдохновений?
– Отзыву прежних чувств и прежних впечатлений.
Они неопытный развить умели ум,
Зажгли, питали в нём, хранили пламень дум.
Образовала вас природа – не искусство:
Так чувство выражать одно лишь может чувство.
Когда вы кистию волшебною своей
Порывы бурные, волнение страстей
Прелестно, пламенно и верно выражали,
Вы отголоску их в самих себе внимали.
Ах, скольких стоит слёз бессмертия венец!

...

...

...

Но всё покоится в безмолвии ночном,
И вежды томные сомкнулись тихим сном.
Вспоминания небесный, светлый гений
К нам ниспускается на крыльях сновидений.
В пленительных мечтах, одушевлённых им,
И к играм и к трудам обычным мы спешим:
Пастух берёт свирель, владелец – багряницу,
Художник – кисть свою, поэт – свою цевницу

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Потомок рыцарей, взлелеянный войной,
Сверкающим мечом махает над главой.

...

Доколе памяти животворящий свет
Ещё не озарил туманной бездны лет,
Текли в неизвестности века и поколенья;
Всё было жертвою безгласного забвенья:
Дела великие не славились молвой,
Под камнем гробовым незнаем тлел герой.
Преданья свет блеснул – и камни глас прияли,
Века минувшие из тьмы своей восстали;
Народы поздние урокам внемлют их,
Как гласу мудрому наставников седых.
Рассказы дивные! Волшебные картины!
Свободный, гордый Рим! Блестящие Афины!
Великолепный ряд триумфов и честей!
С каким волнением внимал я с юных дней
Бессмертным повестям Плутарха, Фукидида!
Я персов поражал с дружиной Леонида;
С отцом Виргинии отмщением пылал,
Казалось, грудь мою пронзил его кинжал;
И, подданный царя, защитник верный трона,
В восторге трепетал при имени Катона.

...

Но любопытный ум в одной ли тьме преданий
Найдёт источники уроков и познаний?
Нет; всё вокруг меня гласит о прежних днях.
Блуждая странником в неизвестных краях,
Я всюду шествую, минувшим окруженный.
Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной:
И грады, и поля, и сей безмолвный ряд
Рукою времени набросанных громад.
Событий прежних лет свидетель молчаливый,
Со мной беседует их прах красноречивый.
Здесь отвечают мне оракулы времен:
Смотрите – видите ль, дымится Карфаген!
Полнеба Африки пожарами пылает!
С протяжным грохотом Пальмира упадает!
Как волны дымные бегущих облаков,
Мелькают предо мной события веков.
Печать минувшего повсюду мною зрима...
Поля Авзонии! Державный пепел Рима!
Глашатаи чудес и славы прежних лет!
С благословеньем вас приветствует поэт.
Смотрите, как века, незримо пролетая,
Твердыни древние и горы подавляя,
Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм,
Остатки гордые являют Рима нам.
Великолепные, бессмертные громады!
Вот здесь висящих рек шумели водопады,
Вот здесь входили в Рим когорты плебеян,
Обременённые богатством дальних стран;
Чертогов, портиков везде я зрю обломки,
Где начертал резец римлян деянья громки.
Не смела времени разрушить их рука,
И возлегли на них усталые века.
Всё, всё вещает здесь уму, воображенью.
Внимайте времени немому поученью!
Познайте тления незаблемый закон!
Из-под развалин сих вещает глухо он:
«Всё гибнет, всё падёт – и грады, и державы...
О колыбель наук, величия и славы!
Отчизна светлая героев и богов!
Святая Греция! Теперь толпы рабов
Блуждают на берегах божественной Эллады;
Ко храму ветхому Дианы иль Паллады

Шалаш пристроил свой ленивый рыболов!
Ты б не узнал, Солон, страну своих отцов:
Под чуждым скипетром главой она поникла;
Никто не слышит там о подвигах Перикла;
Всё губит, всё мертвит невежества ярем.
Но неужель для нас язык развалин нем?
Нет, нет, лишь понимать умеете их молчанье
И новый мир для вас создаст воспоминанье.

...

...

Счастлив, счастлив и тот, кому дано судьбою
От странствий отдохнуть под кровлею родною,
Увидеть милую, священную страну,
Где жизни он провёл прекрасную весну,
Провёл невинное, безоблачное детство.
О край моих отцов! О мирное наследство!
Всегда присутственны вы в памяти моей:
И в берегах крутых сверкающий ручей,
И светлые луга, и тёмные дубравы,
И сельских жителей приветливые нравы.
Приятно вспоминать младенческие дни...

...

...

Когда, едва вздохнув для жизни неизвестной,
Я с тихой радостью взглянул на мир прелестный, –
С каким восторгом я природу обнимал!
Как свет прекрасен был! Увы! тогда не знал
я буйственных страстей в беспечности невинной:
Дитя, взлелеянный природою пустынной,
Её одну лишь зрел, внимал одной лишь ей;
Сиянье солнечных, торжественных лучей
Веселье тихое мне в сердце проливалось;
Оно с природою в ненастье унывало;
Не знал я радостей, не знал я мук других,
За мигмом не умел другой предвидеть миг;
Я слишком счастлив был спокойствием незнанья;
Блаженства чуждые и чуждые страданья,
Часы невидимо мелькали надо мной..
О, суждено ли мне увидеть край родной,
Друзей оставленных, друзей всегда любимых,
И сердцем отдохнуть в тени дерев родимых?..
Там счастье я найду в отрадной тишине.
Не нужны почести, не нужно злато мне;
Отдайте прадедов мне скромную обитель.
Забытый от людей, дубрав безвестных житель,
Не позавидую надменным богачам;
Нет, нет, за тщетный блеск я счастья не отдам;
Не стану жертвовать фортуне своевольной.
Спокойный совестью, судьбой своей довольный,
И песни нежные, и мирный фимиам
я буду посвящать отеческим богам.
Так, перешедши жизнь незнаемой тропюю,
Свой подвиг совершив, усталою главою
Склонюсь я наконец ко смертному одру;
Для дружбы, для любви, для памяти умру;
И всё умрет со мной! Но вы, любимцы феба
Вы, вместе с жизнью принявшие от неба
И дум возвышенных и сладких песней дар!
Враждующей судьбы не страшен вам удар:
Свой век опередив, заране слышит гений
Рукоплескания грядущих поколений.

...

...

1819

11

Тебе на память в книге сей
Стихи пишу я с думой смутной.

Увы! в обители твоей
Я, может статья, гость минутный!
С изнемогающей душой,
На неизвестную разлуку
Не раз трепещущей рукой
Друзьям своим сжимал я руку.
Ты помнишь милую страну,
Где жизнь и радость мы узнали,
Где зрели первую весну,
Где первой страстию пылали?
Покинул я предел родной!
Так и с тобою, друг мой милый,
Здесь проведу я день-другой,
И – как узнать? – в стране чужой
Окончу я мой век унылый;
А ты прибудешь в дом отцов,
А ты узришь поля родные
И прошлых счастливых годов
Вспоманешь были золотые.
Но где товарищ, где поэт,
Тобой с младенчества любимый?
Он совершил судьбы завет,
Судьбы, враждебной с юных лет
И до конца непримиримой!
Когда ж стихи мои найдёшь,
Где складу нет, но чувство живо,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо лист перевернёшь.
1819, {1826}

12

Итак, мой милый, не шутя,
Сказав прости домашней неге,
Ты, ус мечтательный крутя,
На шибко скачущей телеге
От нас, увы! далеко прочь,
О нас, увы! не сожалея,
Летишь курьером день и ночь
Туда, туда, к шатрам Арея!
Итак, в мундире щегольском
Ты скоро станешь в ратном строе
Меж удальцами удальцом!
О милый мой! Согласен в том:
Завидно счастье такое!
Не приобщуся невпопад
Я к мудрецам, чрез меру важным.
Иди! Воинственный наряд
Приличен юношам отважным.
Люблю я бранные шатры,
Люблю беспечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрых, воин мой,
Люблю их видеть, в битве шумной
Летящих в пламень роковой
Толпой весёлой и безумной!
Священный долг за ними вслед
Тебя зовёт, любовник брани;
Ступай, служи богине бед,
И к ней трепещущие длани
С мольбой подымет твой поэт.
1819, {1826}

13

Он близок, близок, день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?

Не мне роптать, но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня её сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне.
1819, {1826}

14
Поэт Писцов в стихах тяжеловат,
Но я люблю незлобного собрата:
Ей-ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.
1819, {1826}

15
Незнаю? Милая незнаю!
Краса пленительна твоя:
Незнаю я предпочитаю
Всем тем, которых знаю я.
{1820}

16
Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя,
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.
{1820}, {1826}

17. К<РЫЛО>ВУ
Любви весёлый проповедник,
Всегда любезный говорун,
Глубокомысленный шалун,
Назона правнук и наследник!
Дана на время юность нам;
До рокового новоселья
Пожить не худо для веселья.
Товарищ милый, по рукам!
Наука счастья нам знакома,
Часы летят! Скорей зови
Богиню милую любви!
Скорее ветреного Мома!
Альков уютный приготовь!
Наполни чаши золотые!
Изменят скоро дни младые,
Изменит скоро нам любовь!
Летящий миг лови украдкой –
И Гея, Вакх ещё с тобой!
Ещё полна, друг милый мой,
Пред нами чаша жизни сладкой;
Но смерть, быть может, сей же час
Её с насмешкой опрокинет –
И мигом в сердце кровь остынет,
И дом подземный скроет нас!
1-15 января 1820

18
Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой,
Товарищ радостей минувших,
Товарищ ясных дней, недавно надо мной

Мечтой весёлою мелькнувших?
Ужель душе твоей так скоро чуждым стал
Друг отлучённый, друг далёкий,
На финских берегах между пустынных скал
Бродящий с грустью одинокой?
Где ты, о Дельвиг мой! Ужель минувших дней
Лишь мне чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей
Судьбой отторженного брата?
Ты помнишь ли те дни, когда рука с рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни вверились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?
«Что в славе? Что в молве? На время жизнь дана!» –
За полной чашей мы твердили
И весело в струях блестящего вина
Забвеньё сладостное пили.
И вот сгустилась ночь – и всё в глубоком сне,
Лишь дышит влажная прохлада;
На стогнах тишина! Сияют при луне
Дворцы и башни Петрограда.
К знакомцу доброму стучится Купидон –
Пусть дремлет труженик усталый!
«Проснися, юноша, отвергни, – шепчет он, –
Покой бесчувственный и вялый.
Взгляни! Ты видишь ли: покинув ложе сна,
Перед окном, полуодета,
Томленья страстного в душе своей полна,
Счастливица ждёт моя Лилета?»
Толпа безумная! Напрасно ропщешь ты!
Блажен, кто лёгкою рукою
Весной умел срывать весенние цветы
И в мире жил с самим собою;
Кто без уныния глубоко жизнь постиг
И, равнодушием богатый,
За царство не отдаст покоя сладкий миг
И наслажденья миг крылатый!
Давно румяный Феб прогнал ночную тень,
Давно проснулись заботы,
А баловня забав ещё покоит лень
На ложе неги и дремоты.
И Лила спит ещё; любовью горят
Младые свежие ланиты,
И, мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят
Её уста полуоткрыты.
И где ж брега Невы? Где наш весёлый стук?
Забит друзьями друг заочный,
Исчезли радости, как в вихре слабый звук,
Как блеск зарницы полуночной!
И я, певец утех, пою утрату их,
И вокруг меня скалы суровы,
И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы.
10-15 января 1820, {1826}

19. К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ
Прости, поэт! Судьбина вновь
Мне посох странника вручила,
Но к музам чистая любовь
Уж нас навек соединила!
Прости! Бог весть когда опять,
Желанный друг в гостях у друга,
Я счастье буду воспевать
И негу праздного досуга!
О милый мой! Всё в дар тебе –
И грусть, и сладость упования!
Молись невидимой судьбе:
Она приблизит час свиданья.

И я, с пустынных финских гор,
В отчизне бранного Одена,
К ней возведу молящий взор,
Упав смиренно на колена.
Строга ль богиня будет к нам,
Пошлёт ли весть соединенья?
Пускай пред ней сольются там
Друзей согласные моления!
18 января 1820

20. ПОДРАЖАНИЕ ЛАФАРУ
Свободу дав тоске моей,
Уединённый, я недавно
О наслажденьях прежних дней
Жалел и плакал своенравно.
«Всё обмануло, – думал я, –
Чем сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
Что было цветом бытия!
Наставлен истиной угрюмой,
Отныне с праздною душой
Живых восторгов лёгкий рой
Я заменю холодной думой
И сердца мёртвой тишиной!»
Тогда с улыбкою коварной
Предстал внезапно Купидон.
«О чём вздыхаешь, – молвил он, –
О чём грустишь, неблагодарный?
Забудь печальные мечты:
Я вечно юн и я с тобою!
Воскреснуть сердцем можешь ты;
Не веришь мне? Взгляни на Хлоу!»
15 марта 1820

21. ВЕСНА
(Элегия)
Мечты волшебные, вы скрылись от очей!
Сбылися времени угрозы!
Хладеет в сердце жизнь, и юности моей
Поблекли утренние розы!
Благоуханный май воскреснул на лугах,
И пробудилась Филомела,
И флора милая на радужных крылах
К нам обновленная слетела.
Вотще! Не для меня долины и леса
Одушевились красотой
И светлой радостью сияют небеса!
Я вяну, – вянет всё со мною!
О, где вы, призраки невозвратимых лет,
Богатство жизни – вера в счастье?
Где ты, молодого дня пленительный рассвет?
Где ты, живое сладострастье?
В дыхании весны всё жизнь младую пьёт
И негу тайного желанья!
Всё дышит радостью и, мнится, с кем-то ждёт
Обетованного свиданья!
Лишь я как будто чужд природе и весне:
Часы крылатые мелькают;
Но радости принести они не могут мне
И, мнится, мимо пролетают.
1–20 марта 1820

22. Финляндия
В свои расщелины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон

Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным!
Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
Там необъятными водами
Слилося море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошёл тяжёлыми стопами,
Сошёл – и смотрится в зеркале гладких вод!
Уж поздно, день погас, но ясен неба свод;
На скалы финские без мрака ночь нисходит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Одиновых детей,
Грозы народов отдалённых!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвящённых!
Умолк призывный щит, не слышен скальда глас,
Воспламенённый дуб угас,
Развеял буйный ветер торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов;
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!
И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от брега к берегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы её вперив скорбящи очи,
Плывёте в облаках туманною толпой?
Вы ль? Дайте мне ответ, услышите голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? Зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылися в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что ж слава наших дней,
Что наше ветреное племя?
О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
Для всех один закон – закон уничтоженья,
Во всём мне слышится таинственный привет
Обетованного забвенья!
Но я, в неизвестности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу ль перед судьбою?
Не вечный для времён, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
Что нужды для былых иль будущих племён?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награждён
За звуки звуками, а за мечты мечтами.
Март – первая половина апреля 1820 {1826}

23. ФИНСКИМ КРАСАВИЦАМ
(Мадригал)

Так, ваш язык ещё мне нов,
Но взоры милых сердцу внятны
И звуки незнакомых слов
Давно душе моей понятны.
Я не умел ещё любить –
Опасны сердцу ваши взгляды!
И сын Фрегеи, может быть,
Сильнее будет сына Лады!

24

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
Живой источник сладострастья
Дарован в нём его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?
Бездейственность души счастливых тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?
Счастливы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.
Что, что даёт любовь весёлым шалунам?
Забаву лёгкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленья!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги –
Скажу ль? – все раны, все недуги,
Всё расслабление души твоей больной,
Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах её, в её дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!
Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,
Счастливы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.
1820

25

Когда неопытен я был,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишком прихотливый,
Я за любовь любви молил;
Я трепетал в тоске желанья
У ног волшебниц молодых,
Но тщетно взор во взорах их
Искал ответа и узнанья!
Огонь утих в моей крови;
Покинув службу Купидона,
Я променял сады любви
На верх бесплодный Геликона.
Но светлый мир уныл и пуст,
Когда душе ничто не мило:
Руки пожатье заменило
Мне поцелуй прекрасных уст.
1820 или 1821

26. ЛАГЕРЬ

Рассеивает грусть пиров весёлый шум.
Вчера, за чашей круговую,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою.
Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна – и пенный бокал

С весельем буйным осушали.
Но что же? Вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно с друзьями радость пел –
Восторги их мне чужды были.
Того не приобрести, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен:
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен!
{1821}

27

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! О край, всегда любимый!
Родные небеса! Незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед, в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волнением учится, губя часы золотые,
Науке измерять окопы боевые –
Я с детства люблю сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведёшь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негою воскреснувшей природе,
С тяжёлым заступом явлюся в огороде,
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благодостный! Не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за лёгкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединённый,
И липу свежую, и тополь осребрённый;

В тени их отдохнёт мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.
{1821}

28

В своих стихах он скукой дышит,
Жужжаньем их наводит сон.
Не говорю: зачем он пишет,
Но для чего читает он?
{1821}

29

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.
Похищенной искрой созданье своё
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел – и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.
Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.
Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущеньям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.
Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..
Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На бренную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает...
Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.
{1821}

30. ЭЛЕГИЯ

Нет, не бывать тому, что было прежде!
Что в счастье мне? Мертва душа моя!
«Надейся, друг!» – сказали мне друзья.
Не поздно ли вверяться мне надежде,
Когда желать почти не в силах я?
Я бременюсь нескромным их участием,
И с каждым днем я верой к ним бедней.
Что в пустоте несвязных их речей?
Давным-давно простился я со счастьем,
Желательным слепой душе моей!
Лишь вслед ему с унылым сладострастьем
Гляжу я в даль моих минувших дней.
Так нежный друг, в бесчувственном забвеньи,
Ещё глядит на зыби синих волн,
На влажный путь, где в тёмном отдаленье
Давно исчез отбывший дружний челн.
{1821}

31. РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.
{1821}

32. БОЛЬНОЙ
Други! радость изменила,
Предо мною мрачен путь,
И болезнь мне положила
Руку хладную на грудь.
Други! станьте вокруг постели.
Где утех златые дни?
Быстро, быстро пролетели
Тенью лёгкою они.
Всё прошло; ваш друг печальный
Вянет в жизни молодой,
С новым утром погребальный,
Может быть, раздастся вой, –
И раздвинется могила,
И заснёт, недвижимый, он,
И твоё лобзанье, Лила,
Не прервёт холодный сон.
Что нужды! До новоселья
Поживём и пошалим,
В память прежнего веселья
Шумный кубок осушим.
Нам судьба велит разлуку...
Как же быть, друзья? – Вздохнуть,
На распутье сжать мне руку
И сказать: счастливый путь!
{1821}

33
Твой детский вызов мне приятен,
Но не желай моих стихов:
Не многим избранным понятен
Язык поэтов и богов.
Когда под звонкие напевы,
Под звук свирели плясовой,
Среди полей, рука с рукой,
Кружатся юноши и девы,
Вмешавшись в резвый хоровод,
Хариты, ветренный Эрот,
Дриады, фавны пляшут с ними
И гонят прочь толпу забот
Воскликновеньями своими.
Поодаль музы между тем,
Таясь в сумраке дубравы,
Глядят, не зримые никем,
На их невинные забавы,
Но их собор в то время нем.
Певцу ли ветрено бесславить
Плоды возвышенных трудов
И легкомыслие забавить
Игрою гордою стихов?
И той нередко, чьё воззренье
Дарует лире вдохновенье,
Не поверяет он его:
Поёт один, подобный в этом

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Пчеле, которая со цветом
Не делит мёда своего.
{1821}, {1826}

34. ПЕСНЯ

Страшно воеет, завывает
Ветр осенний;
По поднебесью далече
Тучи гонит.
На часах стоит печален
Юный ратник;
Он уносится за ними
Грустной думой.
«О, куда, куда вас, тучи,
Ветер гонит?
О, куда ведёт судьбина
Горемыку?
Тошно жить мне: мать родную
Я покинул!
Тошно жить мне: с милой сердцу
Я расстался!»
«Не грусти! – душа-девица
Мне сказала. –
За тебя молиться будет
Друг твой верный».
«Что в молитвах? я в чужбине
Дни скончаю.
Возвращусь ли? взор твой друга
Не признает.
Не видать в лицо мне счастья;
Жить на что мне?
Дай приют, земля сырая,
Расступися!»
Он поёт, никто не слышит
Слов печальных...
Их разносит, заглушает
Ветер бурный.
{1821}

35

Приятель строгий, ты не прав,
Несправедливы толки злые;
Друзья веселья и забав,
Мы не повесы записные!
По своеволию страстей
Себе мы правил не слагали,
Но пылкой жизнью юных дней,
Пока дышалось, дышали;
Любили шумные пиры;
Гостей весёлых той поры,
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили.
Во имя лучших из богов,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пели счастье шалунов,
Сердечно презря крикунов
И их ревнивые обиды.
Мы пели счастье дней молодых,
Меж тем летела наша младость;
Порой задумывалась радость
В кругу поклонников своих;
В душе больной от пищи многой,
В душе усталой пламень гас,
И за стаканом в добрый час
Застал нас как-то опыт строгий.
Наперсниц наших, страстных дев
Мы поцелуи позабыли

И, пред суровым оробев,
Утехи крылья опустили.
С тех пор, любезный, не поём
Мы безрассудные забавы,
Смиренно дни свои ведём
И ждём от света доброй славы.
Теперь вопрос я отдаю
Тебе на суд. Подумай, мы ли
Переменили жизнь свою
Иль годы нас переменили?
{1821}

36

Живи смелей, товарищ мой,
Разнообразь досуг шутливый!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньем и хвалой!
О, как безумна жажда славы!
Равно исчезнут в бездне лет
И годы шумные побед
И миг незнаемый забавы!
Всех смертных ждёт судьба одна,
Всех чередом поглотит Лета:
И философа-болтуна,
И длинноусого корнета,
И в молдаванке шалуна,
И в рубище анахорета.
Познай же цену срочных дней,
Лови пролётное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливей, кто умней.
Будь дружен с музою моею,
Оставим мудрость мудрецам, –
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею?
{1821}

37

Один, и пасмурный душою,
Я пред окном сидел;
Свистела буря надо мною,
И глухо дождь шумел.
Уж поздно было, ночь спустилась,
Но сон бежал очей.
О днях минувших пробудилась
Тоска в душе моей.
«Увижу ль вас, поля родные,
Увижу ль вас, друзья?
Губя печалью дни молодые,
Приметно вяну я!
Дни пролетают, годы тоже;
Меж тем беднеет свет!
Давно ль покинул вас – и что же?
Двоих уж в мире нет!
И мне назначена могила!
Умру в чужой стране,
Умру, и ветренная Лила
Не вспомнит обо мне!»
Душа стеснилась тоскою;
Я грустно онемел,
Склонился на руку главою,
В окно не зря глядел.
Очнулся я; румян и светел,
Уж новый день сиял,
И громкой песнью ранний петел
Мне утро возвещал.
Январь – февраль 1821

38. В АЛЬБОМ

Вы слишком многими любимы,
Чтобы возможно было вам
Знать, помнить всех по именам;
Сии листки необходимы;
Они не нужны были встарь:
Тогда не знали дружбы модной,
Тогда, Бог весть! иной дикарь
Сердечный адрес-календарь
Почёл бы выдумкой негодной.
Что толковать о старине!
Стихи готовы. Может статься,
Они для справки обо мне
Вам очень скоро пригодятся.
Январь – февраль 1821

39

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить – плохая шутка!
Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность – прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.
Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже.
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.
С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.
Январь – февраль 1821

40

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!
Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодю ревучей
Твой рёв мятежный соглашён.
Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?
Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.
Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!
Апрель – начало мая 1821

41

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рёв, и всё питает
Безумье мрачных дум;

Где, отлучённый от отчизны
Враждебно судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь для сладкого свиданья
Спешу к стране родной;
В воображенье край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размовке с тихим счастьем
Провёл мою весну,
Но где порою, житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.
Между 1 и 15 мая 1821

42

Пора покинуть, милый друг,
Знамёна ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, пока досуг.
Чьих ожидать увещаний!
Мы лишены старинных прав
На своеволие забав,
На своеволие желаний.
Уж отлетает век молодой,
Уж сердце опытнее стало:
Теперь ни в чём, любезный мой,
Нам исступленье не пристало!
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья;
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
Пресытись буйным наслажденьем,
Пресытись ласками цирцей,
Шепчу я часто с умиленьем
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надёжной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души;
В чьё неизменное участие
Беспечно веровал бы я,
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутье бытия?
Где ж обречённая судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или с волненьем и тоскою
Её напрасно я зову?
Или в печали одинокой
Я проведу остаток дней
И тихий свет её очей
Не озарит их тьмы глубокой,
Не озарит души моей!..
Май? 1821

43. ЦВЕТОК

С восходом солнечным Людмила,
Сорвав себе цветок,
Куда-то шла и говорила:
«Кому отдам цветок?
Что торопиться? Мне ль наскучит
Лелеять свой цветок?
Нет! недостойный не получит
Душистый мой цветок».
И говорил ей каждый встречный:
«Прекрасен твой цветок!
Мой милый друг, мой друг сердечный,
Отдай мне твой цветок».
Она в ответ: «Сама я знаю,
Прекрасен мой цветок,
Но не тебе, и это знаю,
Другому мой цветок».
Красою яркой день сияет, –
У девушки цветок;
Вот полдень, вечер наступает, –
У девушки цветок!
Идёт. Услада повстречала,
Он прелестью цветок.
«Ты мил! – она ему сказала. –
Возьми же мой цветок!»
Он что же думе? Он спесиво:
«На что мне твой цветок?
Ты даришь мне его – не диво:
Увянул твой цветок».
Июнь – июль? 1821

44

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немым развалинам твоим
Подходит с грустию их чуждый навеститель.
За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги?
Град пышный, где твои чертоги?
Где сильные твои, о родина мужей?
Тебе ли изменил победы мощный гений?
Ты ль на распутии времён
Стоишь в позорище племён,
Как пышный саркофаг погибших поколений?
Кому ещё грозишь с твоих семи холмов?
Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель?
Или, как призрак-обвинитель,
Печальный предстоишь очам твоих сынов?
Июль – первая половина августа 1821

45

Чтоб очаровывать сердца,
Чтоб возбуждать рукоплесканья,
Я слышал, будто для певца
Всего нужнее дарованья.
Путей к Парнасу много есть:
Зевоту можно – произвести
Поэмой длинной, громкой одой,
И ввек того не приобрести,
Чего нам не дано природой.
Когда старик Анакреон,
Сын верный неги и прохлады,
Весёлый пел амфоров звон
И сердцу памятные взгляды,
Вслед за толпой молодых забав,
Богини песней, миновав
Певцов усерднейших Эллады,
Ему внимать исподтишка

С вершины Пинда поспешали
И балагура-старика
Венком бессмертья увенчали.
Так своенравно Аполлон
Нам раздает свои награды;
Другому богу Геликон
Отдать хотелось бы с досады!
Напрасно до поту лица
О славе Фофанов хлопочет:
Ему отказан дар певца,
Трудится он, а Феб хохочет.
Меж тем, даря веселью дни,
Едва ли Батюшков, Парни
О прихотливой вспоминали,
И что ж? нечаянно они
Её в Цитере повстречали.
Пленён ли Хлоей, Дафной ты,
Возьми Тибуллову цевницу,
Воспой победы красоты,
Воспой души своей царицу;
Когда же любишь стук мечей,
С высокой музою Омира
Пускай поёт вражды царей
Твоя воинственная лира.
Равны все музы красотой,
Несходство их в одной одежде.
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.
1821?

46

Так! отставного шалуна
Вы вновь шалить не убеждайте
Иль золотые времена
Младых затей ему отдайте!
Переменяют годы нас
И с нами вместе наши нравы:
От всей души люблю я вас,
Но ваши чужды мне забавы.
Уж Вакх, увенчанный плющом,
Со мной по улицам не бродит
И к вашим нимфам вечером
Меня, шатаясь, не заводит.
Весельчакам я запер дверь,
Я пресыщён их буйным счастьем
И заменил его теперь
Пристойным, тихим сладострастьем.
В пылу начальном дней младых
Неодолимы наши страсти:
Проказим мы, но мы у них,
Не у себя тогда во власти.
В своей отваге молодой
Товарищ ваш блажил довольно;
Не видит он нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.
1821?

47. ДЕЛЬВИГУ

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путём одним пойдём до двери гроба,
И тщетно нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишённый сил?
Я погибал – ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.

Ты ввёл меня в семейство добрых муз;
Деля досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал её свинцовый груз
И перед ней унизился душою?
Ты сам порой глубокую печаль
В душе носил, но что? Не мне ли вверить
Спешил её? И дружба не всегда ль
Хоть несколько могла её умерить?
Забытые фортуною слепой,
Мы ей назло друг в друге всё имели
И, дружества твердя обет святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели.
О! верь мне в том: чем жребий ни грозит,
Упорствуя в старинной неприязни,
Душа моя не ведает боязни,
Души моей ничто не изменит!
Так, милый друг! позволят ли мне боги
Ярмо забот сложить когда-нибудь
И весело на светлый мир взглянуть,
По-прежнему ль ко мне пребудут строги –
Всегда я твой. Судьёй души моей
Ты должен быть и в ведро и в ненастье,
Удвоишь ты моих счастливых дней
Неполное без разделенья счастье;
В дни бедствия я знаю, где найти
Участие в судьбе своей тяжёлой;
Чего ж робеть на жизненном пути?
Иду вперёд с надеждою весёлой.
Ещё позволь желание одно
Мне произнестъ: молюся я судьбине,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.
1821?

48. ЭЛИЗИЙСКИЕ ПОЛЯ
Бежит неверное здоровье,
И каждый час готовлюсь я
Свершить последнее условие,
Закон последний бытия;
Ты не спасёшь меня, Киприда!
Пробьют урочные часы,
И низойдёт к брегам Аида
Певец веселья и красы.
Простите, ветреные друзья,
С кем беззаботно в жизни сей
Делил я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Где ни жил я, мне всё равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино.
Не изменясь в подземном мире,
И там на шаловливой лире
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафне и Темире
Неприхотливую любовь.
О Дельвиг! слезы мне не нужны;
Верь, в закоцитной стороне
Приём радушный будет мне:
Со мною музы были дружны!
Там, в очарованной тени,
Где благоденствуют поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мне они.
Когда из таинственной сени,
От тёмных Орковых полей,
Здесь навещать своих друзей

Порою могут наши тени,
Я навещу, о други, вас,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумного похмелья
Вы соберётесь в праздный час,
Приду я с вами Вакха славить;
А к вам молитва об одном:
Прибор покойнику оставить
Не позабудьте за столом.
Меж тем за тайными брегами
Друзей вина, друзей пиров,
Веселых, добрых мертвецов
Я подружу заочно с вами.
И вам, чрез день или другой,
Закон губительный Зевеса
Велит покинуть мир земной;
Мы встретим вас у врат Айдеса
Знакомой дружеской толпой;
Наполним радостные чаши,
Хвала свиданью возгремит,
И огласят приветы наши
Весь необъемлемый Аид!
1821?

49

Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!
В ней говорит
И жар ланит,
И вздох случайный...
О! я знаком
С сим языком
Любви тайной!
В душе твоей
Уж нет покоя;
Давным-давно я
Читаю в ней:
Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!
{1822}

50

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует моё воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдёт ли сон и взор сомкнёт ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье;
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.
{1822}

51

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель, улыбнись, когда из ней
Случится девице моей
Унести во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.
{1822}

52

Зачем, о Делия! сердца молодые ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недостигаемого счастья?
Я видел вокруг тебя поклонников твоих,
Полуиссохших в страсти жадной:
Достигнув их любви, любовным клятвам их
Внимаешь ты с улыбкой хладной.
Обманывай слепцов и смейся их судьбе;
Теперь душа твоя в покое;
Придётся некогда изведать и тебе
Очарованье роковое!
Не опасаясь насмешливых сетей,
Быть может, избранный тобою
Уже не вверится огню любви твоей,
Не тронется её тоскою.
Когда ж пора придёт и розы красоты,
Вседневно свежестью беднея,
Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты,
К чему, бесчарная Цирцея?
Искусством округлишь ты высохшую грудь,
Худые щёки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь как-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!
Взамену снов молодых тебе не обрести
Покоя, поздних лет отрады;
Куда бы ни пошла, взроются на пути
Самолюбивые досады!
Немирного душой на мирном ложе сна
Так убегает усыпленье,
И где для каждого доступна тишина,
Страдальца ждёт одно волнение.
{1822}, {1826}

53

На звук цевницы голосистой,
Толпой забав окружена,
Летит прекрасная весна;
Благоухает воздух чистый,
Земля воздвиглась ото сна.
Утихли вьюги и метели,
Текут потоками снега;
Опять в горах трубят рога,
Опять зефиры налетели
На обновлённые луга.
Над урной мшистою наяда
Проснулась в сумраке ветвей,
Стрясает иней с кудрей,
И, разломав оковы хлада,
Заговорил её ручей.
Восторги дух мой пробудили!
Звучат и блещут небеса;
Певцов пернатых голоса,
Пастушьи песни огласили
Долины, горы и леса.
Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты, в печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измена
Ещё судьбе не прощена!
Унынье в грудь к тебе теснится,
Не видишь ты красоты лугов.
О, если б щедростью богов
Могла ко смертным возвратиться
Пора любви с порой цветов!
Март – первая половина апреля 1822

54. СЕСТРЕ

И ты покинула семейный мирный круг!
Ни степи, ни леса тебя не задержали;
И ты летишь ко мне на глас моей печали –
О милая сестра, о мой вернейший друг!
Я узнаю тебя, мой ангел-утешитель,
Наперсница души от колыбельных дней;
Не тщетно нежности я веровал твоей,
Тогда ещё, тогда достойный их ценитель!..
Приди ж – и радость призови
В приют мой, радостью забытый;
Повея отрадою душе моей убитой
И сердце мне согрей дыханием любви!
Как чистая роса живит своей прохладой
Среди нагих степей, – спасительной усадой
Так оживишь мне чувства ты.
Июль 1822

55. ЭПИГРАММА

Везде бранит поэт Клеон
Мою хорошенькую музу;
Всё обернуть умеет он
В бесславье нашему союзу.
Морочит добрых он людей,
А слыть красоточке моей
У них негодницей обидно.
Поэт Клеон смешной злодей;
Ему же после будет стыдно.
1822?

56

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго ль будет вам
Внимать с холодной улыбкой
Любви укорам и мольбам?
Одни победы вам известны;
Любовь нечаянно узнав,
Каких лишитесь вы прав
И меньше ль будете прелестны?
Ко мне, примерно, нежной став,
Вы наслажденья лишены ли
Дурачить пленников других
И гордой быть, как прежде были,
К толпе соперников моих?
Ещё же нужно размышленье!
Любви простое упоенье
Вас не довольствует вполне;
Но с упоеньем поклоненье
Соединить не трудно мне;
И, ваш угодник постоянный,
Попеременно я бы мог –
Быть с вами запросто в диванной,
В гостиной быть у ваших ног.
1822 или 1823

57. ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Желтел печально злак полей,
Брега взрывал источник мутный,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.
На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
Прощался так молодой певец
С дубравой, сердцу драгоценной:
«Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голос помню я:

“Готовься, юноша несчастный!
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит;
Уж он сияет из Эрева,
Последний лист падёт со древа,
Твой час последний прозвучит!”
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей!
Покину всё, что сердцу мило.
Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? время наступило:
Вались, вались, поблѣкый лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынною тропою,
Вдоль незабвенного ручья,
Придѣт поплакать надо мною
Подруга нежная моя,
Твой лёгкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит её приход!»
Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил,
Последний лист упал со древа,
Последний час его пробил.
Близ рощи той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила..
Не приходила дева к ней!
{1823}, {1826}

58

Чувствительны мне дружеские пени,
Но искренне забыл я Геликон
И признаюсь: неприхотливой лени
Мне нравится приманчивый закон;
Охота петь уж не владеет мною:
Она прошла, погасла, как любовь.
Опять любить, играть струнами вновь
Желал бы я, но утомлѣн душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
С бездействием любезен мне союз;
Лелеемый счастливым усыпленьем,
Я не хочу притворным исступленьем
Обманывать ни юных дев, ни муз.
{1823}

59. ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприятный ручей,
Чьѣ докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.
{1823}

60

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.
Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.
Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!
Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!
Гоните прочь их рой прельстительный:
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.
Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мёртвых из гробов,
Волхвы словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, –
Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснётесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.
{1823}

61. РАЗМОЛВКА

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелён; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? Печальней доля чья?
Кто отягчён утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.
{1823}, {1826}

62

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешёл до полдороги;
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.
{1823}

63. Н. И. ГНЕДИЧУ

Нет! в одиночестве душой изнемогая
Средь каменных пустынь противного мне края,
Для лучших чувств души ещё я не погиб,
Я не забыл тебя, почтенный Аристипп,
И дружбу нежную, и русские Афины!
Не Вакховых пиров, не лобызаний фрины,
В нескромной юности нескромно петых мной,
Не шумной суеты, прославленной толпой, –
Лишенье тяжко мне в краю, где финну нищую
Отчизна мёртвая едва дарует пищу.
Нет, нет! мне тягостно отсутствие друзей,
Лишенье тягостно беседы мне твоей,
То наставительной, то сладостно отрадной:

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
В ней, сердцем жадный чувств, умом познаний жадный,
И сердцу и уму я пищу находил.
Счастливец! дни свои ты музам посвятил
И бодро действуешь прекрасные полвека
На поле умственных усилий человека;
Искусства нежные и деятельный труд
Твой независимый украсили приют.
Податель сердца – труд, искусства – наслажденья
Ещё не породив прямого просвещенья,
Избыток породил бездейственную лень.
На мир снотворную она нагнала тень,
И чадам роскоши, обременённым скукой,
Довольство бедности тягчайшей стало мукой;
Искусства низошли на помощь к ним тогда;
Уже отвыкнувших от грубого труда
К трудам возвышенным они воспламенили
И праздность упражнять роскошно научили;
Быть может, счастьем обязаны мы им.
Как беден, кто больной бездействием своим!
Занятя бодрого цены не постигает,
За часом час другой глазами провожает,
Скучает в городе и бедствует в глуши,
Употребления не ведая души,
И плачет, сонных дней снося насилию бремя,
Что жизни краткое в них слишком длится время.
Они в углу моём не делятся для меня.
Судьбу младенчески за строгость не виня
И взяв тебя в пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать моё уединенье.
Леса угрюмые, громады мшистых гор,
Пришельца нового пугающие взор,
Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
Напев томительный протяжных песен финна –
Не долго, помню я, в печальной стороне
Печаль холодную вливали в душу мне.
Я победил её и не убит неволей,
Ещё я бытия владею лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков;
То вопрошаю я предания веков,
Паденья, славы царств читаю в них причины,
Наставлен давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбине я моей;
То занят свойствами и нравами людей,
В их своевольные вникаю побужденья,
Слежу я сердца их сокрытые движенья
И разуму отчёт стараюсь в сердце дать!
То вдохновение, Парнаса благодать,
Мне душу радует восторгами своими;
На миг обворожён, на миг обманут ими,
Дышу свободно я и, лиру взяв свою,
И дружбу, и любовь, и негу я пою.
Осмеливаясь петь, я помню преткновенья
Самолюбивого искусства песнопенья;
Но всякому своё, и мать племён людских,
Усердья полная ко благу чад своих,
Природа, каждого даря особой страстью,
Нам разные пути прокладывает к счастью:
Кто блеском почестей пленён в душе своей;
Кто создан для войны и любит стук мечей;
Любезны песни мне. Когда-то для забавы
Я, праздный, посетил Парнасские дубравы
И воды светлые Кастальского ручья;
Там к хорам чистых дев прислушивался я,
Там, очарованный, влюбился я в искусство
Другим передавать в согласных звуках чувство,
И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовью моей.
Так, скуку для себя считая бедством главным,

я духа предаюсь порывам своенравным;
Так, без усилия ведёт меня мой ум
От чувства к шалости, к мечтам от важных дум!
Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрия полезные уроки,
Ни песни мирные, ни лёгкие мечты,
Воображения случайные цветы,
Среди глухих лесов и скал моих унылых
Не заменяют мне людей, для сердца милых,
И часто, грустию невольною объят,
Увидеть бы желал я пышный Петроград,
Вести желал бы вновь свой век непринуждённый
В кругу детей искусств и неги просвещённой,
Апелла, Фидия желал бы навещать,
С тобой желал бы я беседовать опять,
Муж, дарованьями, душою превосходный,
В стихах возвышенный и в сердце благородный!
За то не в первый раз взываю я к богам:
Свободу дайте мне – найду я счастье сам!
{1823}

64

О счастье с младенчества тоскуя,
Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?
Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишён я прежней цели,
А новой цели нет.
«Безумен ты и все твои желанья», –
Мне тайный голос рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.
Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живёт о старине?
Так некогда обдумывал с роптаньем
я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то было не мечтаньем)
Узрел перед собой.
«Светильник мой укажет путь ко счастью! –
Вещала. – Захочу –
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.
я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
я оболую суровым хладом душу,
Но дам душе покой».
Я трепетал, словам её внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостыя неземная!
Печален твой привет.
Светильник твой – светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.
Нет, я не твой! в твоей науке строгой
я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.
Прости! иль нет: когда моё светило
Во звездной вышине

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Начнёт бледнеть и всё, что сердцу мило,
Забыть придётся мне,
Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».
{1823}

65
О своенравная София!
От всей души я вас люблю,
Хотя и реже, чем другие,
И неискусней вас хвалю.
На ваших ужинах весёлых,
Где любят смех и даже шум,
Где не кладут оков тяжёлых
Ни на уменье, ни на ум;
Где, для холопа иль невежды
Не притворяясь, часто мы
Браним указы и псалмы,
Я основал свои надежды
И счастье нынешней зимы.
Ни в чём не следуя пристрастью,
Даёте цену вы всему:
Рассудку, шалости, уму,
И удовольствию, и счастьем;
Свет пренебрегши в добрый час
И утеснительную моду,
Всему и всем забавить вас
Вы дали полную свободу;
И потому далёко прочь
От вас бежит причудниц мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зевающая скука.
Иной порою, знаю сам,
Я вас браню по пустякам, –
Простите мне мои укоры:
Не ум один дивится вам,
Опасны сердцу ваши взоры..
Они лукавы, я слышал,
И, всё предвидя осторожно,
От власти их, когда возможно,
Спасти рассудок я желал.
Я в нём теперь едва ли волен,
И часто, пасмурный душой,
За то я вами недоволен,
Что недоволен сам собой.
{1823}

66. ЛУТКОВСКОМУ
Влюбился я, полковник мой,
В твои военные рассказы:
Проказы жизни боевой –
Никак, весёлые проказы!
Не презрю я в душе моей
Судьбою мирного лентяя;
Но мне война ещё милей,
И я люблю, тебе внимая,
Жужжанье пуль и звук мечей.
Как сердце жаждет бранной славы,
Как дух кипит, когда порой
Мне хвалит ратные забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный вид! В веселье диком
Вы мчитесь грозно... дым и гром!
Бегущий враг покрыт стыдом,
И страшный бой с победным кликом
Вы запиваете вином!

А епендорфские трофеи?
Проказник, счастливый вполне,
С весёлым сыном Цитереи
Ты дружно жил и на войне!
Стоят враги толпою жадной
Кругом окопов городских;
Ты, воин мой, защитник их;
С тобой семьею безотрадной
Толпа красавиц молодых.
Ты сна не знаешь; чуть проглянул
День лучезарный сквозь туман,
Уж рыцарь мой на вражий стан
С дружиной быстрою нагрянул:
Врагам иль смерть, иль строгий плен!
Меж тем красавицы молодые
Пришли толпой с высоких стен
Глядеть на игры боевые;
Сраженья вид ужасен им,
Дивятся подвигам твоим,
Шлют к небу тёплые молитвы:
Да возвратится невредим
Любезный воин с лютой битвы!
О! кто бы жадно не купил
Молитвы сей покоем, кровью!
Но ты не раз увенчан был
И бранной славой, и любовью.
Когда ж певцу дозволит рок
Узнать, как ты, веселье боя
И заслужить хотя листок
Из лавров милого героя?
{1823}

67
Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их свыше сил.
Я не пленён красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлёкся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь,
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.
Грущу я, но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной.
Кто знает? Мнением сольюся я с толпой;
Подругу без любви – кто знает? – изберу я.
На брак обдуманый я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим сном,
И назову её моею;
И весть к тебе придёт, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;

Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даём поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.
{1823}, {1832}

68. Г<НЕДИ>ЧУ
Враг суетных утех и враг утех позорных,
Не уважаешь ты безделок стихотворных;
Не угодит тебе сладчайший из певцов
Развратной прелестью изнеженных стихов:
Возвышенную цель поэт избрать обязан.
К блестящим шалостям, как прежде, не привязан,
Я правилам твоим последовать бы мог,
Но ты ли мне велишь оставить мирный слог
И, едкой желчию напивая строки,
Сатирию восстать на глупость и пороки?
Миролюбивый нрав дала судьбина мне,
И счастья моего искал я в тишине;
Зачем я удалюсь от столь разумной цели?
И, звуки лёгкие затейливой свирели
В неугомонный лай неловко превратя,
Зачем себе врагов наделаю шутя?
Страшусь их множества и злобы их опасной.
Полезен обществу сатирик беспристрастный;
Дыша любовью к согражданам своим,
На их дурачества он жалуется им:
То, укоризнами восстав на злодеянье,
Его приводит он в благое содроганье,
То едкой силою забавного словца
Смирят попыхи надутого глупца;
Он нравов опекун и вместе правды воин.
Всё так; но кто владеть пером его достоин?
Острот затейливых, насмешек едких дар,
Язвительных стихов какой-то злобный жар
И их старательно подобранные звуки –
За беспристрастие забавные поруки!
Но если полную свободу мне дадут,
Того ль я утешу, кому не страшен суд,
Кто в сердце должного укора не находит,
Кого и божий гнев в заботу не приводит,
Кого не оскорбит язвительный язык!
Он совесть усыпил, к позору он привык.
Но слушай: человек, всегда корысти жадный,
Берётся ли за труд, наверно безнаградный?
Купец расчётливый из добрых барышей
Вверяет корабли случайности морей;
Из платы, отогнав сладчайшую дремоту,
Подёнщик до зари выходит на работу;
На славу громкую надежду согрет,
В трудах возвышенных возвышенный поэт.
Но рвению моему что будет воздаяньем:
Не слава ль громкая? Я беден дарованьем.
Стараясь в некий ум соотчицей привести,
Я благодарность их мечтал бы приобрести,
Но, право, смысла нет во слове «благодарность»,
Хоть нам и нравится его высокопарность.
Когда сей редкий муж, вельможа-гражданин,
От века сих вельмож оставшийся один,
Но смело дух его хранивший в веке новом,
Обширный разумом и сильный, громкий словом,
Любовью к истине и к родине горя,
В советах не робел оспаривать царя;
Когда, к прекрасному влечению послушный,
Внимать ему любил монарх великодушный,
Из благодарности о нём у тех и тех

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Какие толки шли? – «Кричит он громче всех,
О благе общества как будто бы хлопчет,
А, право, риторством похвастать больше хочет;
Катоном смотрит он, но тонкого льстеца
От нас не утаит под строгостью лица».
Так лучшим подвигам людское развращенье
Придумать силится дурное побужденье;
Так, исключительно посредственность любя,
Спешит высокое унижить до себя;
Так самых доблестей завистливо трепещет
И, чтоб не верить им, на оные клеветет!

...

Нет, нет! разумный муж идёт путем иным
И, снисходительный к дурачествам людским,
Не выставляет их, но сносит благоданно;
Он не пытается, уверенный забавно
Во всемогуществе болтанья своего,
Им в людях изменить людское естество.
Из нас, я думаю, не скажет ни единый
Осине: дубом будь, иль дубу – будь осиною;
Меж тем как странны мы! Меж тем любой из нас
Переиначить свет задумывал не раз.
1823, {1826}

69

Мы пьем в любви отраву сладкую,
Но всё отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви, огонь живительный, –
Все говорят, – но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов златых цветущей младости
Тебе открыл бы душу вновь.
{1824}

70. АВРОРЕ Ш<ЕРНВАЛЬ>

Выдь, дохни нам упоением,
Сименница зари;
Всех румяным появлением
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит с тихую тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»
{1824}

71

я безрассуден – и не диво!
Но рассудителен ли ты,
Всегда преследуя ревниво
Мои любимые мечты?
«Не для неё прямое чувство:
Одно коварное искусство
Я вижу в Делии твоей;
Не верь прелестнице лукавой!
Самолюбивую забавой
Твои восторги служат ей».
Не обнаружу я досады,
И пронизательность твоя
Хвалы достойна, верю я,

Но не находит в ней отрады
Душа смятенная моя.
Я вспоминаю голос нежный
Шалуньи ласковой моей,
Речей открытых склад небрежный,
Огонь ланит, огонь очей;
Я вспоминаю день разлуки,
Последний долгий разговор
И, полный неги, полный муки,
На мне покоившийся взор;
Я перечитываю строки,
Где, увлечения полна,
В любви счастливые уроки
Мне самому даёт она,
И говорю в тоске глубокой:
«Ужель обманут я жестокой?
Или всё, всё в безумном сне
Безумно чудилось мне?
О, страшно мне разуверенье,
И об одном мольба моя:
Да вечным будет заблужденье,
Да век безумцем буду я...»
Когда же с верою напрасной
Взываю я к судьбе глухой
И вскоре опыт роковой
Очам доставит свет ужасный,
Пойду я странником тогда
На край земли, туда, туда,
Где вечный холод обитает,
Где поневоле стынет кровь,
Где, может быть, сама любовь
В озяблом сердце потухает...
Иль нет: подумавши путём,
Останусь я в углу своём,
Скажу, вздохнув: «Горюн неловкой!
Грусть простодушная смешна;
Не лучше ль плутом быть с плутовкой,
Шутить любовью, как она?
Я об обманщице тоскую.
Как здоровым смыслом я убог!
Ужель обманщицу другую
Мне не пошлёт в отраду Бог?»
{1824}

72

В глуши лесов счастлив один,
Другой страдает на престоле;
На высоте земных судьбин
И в незаметной, низкой доле
Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.
Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно;
Уделом нашим решено,
Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучший дал совет –
Иль Эпикур, иль Эпиктет?
Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашёл отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.
Хвала вам, боги! Предо мной
Вы оправдались отныне!
Готов я с бодрю душой
На всё угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Не оскорбит роптаньем вас!
{1824}

73. ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрёг святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп жёлтый, пыльный!
Ещё носил волос остатки он;
Я зрел на нём ход постепенный тленья.
Ужасный вид! Как сильно поражён
Им мыслящий наследник разрушенья!
Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!
Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!
Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший,
Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное создание,
О человек! Уверься наконец:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!
Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!
Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит:
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.
{1824}, {1826}

74

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жён других...
Так! но когда их слух предубеждённый
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умилённой,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживлённой,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету,
Касаясь душистых их кудрей
Лицом моим, объемля жадной дланью
Их стройный стан, – так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!
Но к ним ли я любовь пылал?
Нет, милая! когда в уединенье
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моём воображенье,
Тебя одну я в сердце обретал!

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости молодой,
Из-за угла пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты всё ещё обид своих полна...
Прости ж навек! Но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.
{1824}, {1826}

75. БОГДАНОВИЧУ

В садах Элизия, у вод счастливой Леты,
Где благоденствуют отжившие поэты,
О Душенькин поэт, прими мои стихи!
Никак в писатели попал я за грехи
И, надоев живым посланьями своими,
Несчастливым мертвецам скучать решаюсь ими.
Нет нужды до того! Хочу в досужный час
С тобой поговорить про русский наш Парнас,
С тобой, поэт живой, затейливый и нежный,
Всегда пленительный, хоть несколько небрежный,
Чертам заметнейшим лукавой остроты
Дающий милый вид сердечной простоты
И часто, наготу рисуя нам бесчинно,
Почти бесстыдным быть умеющий невинно.
Не холодной шалостью, но сердцем внушена,
Весёлость ясная в стихах твоих видна;
Мечты игривые тобою были петы.
В печаль влюбились мы. Новейшие поэты
Не улыбаются в творениях своих,
И на лице земли всё как-то не по них.
Ну что ж? Поклон, да вон! Увы, не в этом дело:
Ни жить им, ни писать ещё не надоело,
И правду без затей сказать тебе пора:
Пристала к музам их немецких муз хандра.
Жуковский виноват: он первый между нами
Вошёл в содружество с германскими певцами
И стал передавать, забывши божий страх,
Жизнехуленья их в пленительных стихах.
Прости ему господь! Но что же! все мараки
Ударились потом в задумчивые враки,
У всех унынием оделось чело,
Душа увянула и сердце отцвело.
«Как терпит публика безумие такое?» –
Ты спросишь? Публике наскучило простое,
Мудреное теперь любезно для неё:
У века дряхлого испортилось чутьё.
Ты в лучшем веке жил. Не столько просвещённый,
Являл он бодрый ум и вкус неразвращённый,
Венцы свои дарил, без вычур толковит,
Он только истинным любимцам Донид.
Но нет явления без творческой причины:
Сей благодатный век был век Екатерины!
Она любила муз, и ты ли позабыл,
Кто «Душеньку» твою всех прежде оценил?
Я думаю, в садах, где свет бессмертья блещет,
Поныне тень твоя от радости трепещет,
Воспоминая день, сей день, когда певца,
Ещё за милый труд не ждавшего венца,
Она, друзья её достойно наградили
И, скромного, его так лестно изумили,
Страницы «Душеньки» читая наизусть.
Сердца завистников стеснила злая грусть,
И на другой же день расспросы о поэте
И похвалы ему жужжали в модном свете.

Кто вкуса божеством служил теперь бы нам?
Кто в наши времена, и прозе и стихам
Провозглашая суд разборчивый и правый,
Заведовать бы мог парнасскою управой?
О, добрый наш народ имеет для того
Особенных судей, которые его
В листах условленных и в цену приведенных
Снабжают мнением о книгах современных!
Дарует между нас и славу и позор
Торговой логики смыслёный приговор.
О наших судиях не смею молвить слова,
Но слушай, как честят они один другого:
Товарищ каждого – глупец, невежда, враль;
Поверить надо им, хотя поверить жаль.
Как быть писателю? В пустыне благодатной,
Забывши модный свет, забывши свет печатный,
Как ты, философ мой, таиться без греха,
Избрать в советники кота и петуха
И, в тишине трудясь для собственного чувства,
В искусстве находить возмездие искусства!
Так, веку вопреки, в сей самый век у нас
Сладко поющих лир порою слышен глас,
Благоуханный дым от жертвы бескорыстной!
Так нежный Батюшков, Жуковский живописный,
Неподражаемый, и целую орду
Злых подражателей родивший на беду,
Так Пушкин молодой, сей ветреник блестящий,
Всё под пером своим шутя животворящий
(Тебе, я думаю, знаком довольно он:
Недавно от него товарищ твой Назон
Послание получил), любимцы вдохновенья,
Не могут поделить сердечного влеченья
И между нас поют, как некогда Орфей
Между мохнатых пел, по вере старых дней.
Бессмертие в веках им будет воздаяньем!
А я, владеющий убогим дарованьем,
Но рвением горя полезным быть и им.
Я правды красоту даю стихам моим,
Желаю доказать людских сует ничтожность
И хладной мудрости высокую возможность.
Что мыслю, то пишу. Когда-то веселей
Я славил на заре своих цветущих дней
Законы сладкие любви и наслажденья.
Другие времена, другие вдохновенья;
Теперь важней мой ум, зрелее мысль моя.
Опять, когда умру, повеселею я;
Тогда беспечных муз беспечного питомца
Прими, философ мой, как старого знаконца.
Между январем и июнем 1824

76

Мне с упоением заметным
Глаза поднять на вас беда:
Вы их встречаете всегда
С лицом сердитым, неприветным.
Я полон страстную тоской,
Но нет! рассудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Ответа требовать не буду.
Не терпит бог младых проказ
Ланит увядших, впалых глаз.
Надежды были бы напрасны,
И к вам не ими я влеком.
Любуюсь вами, как цветком,
И счастлив тем, что вы прекрасны.
Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,

Но рад, что сердце нахожу
Ещё способным к упоению.
Меж мудрецами был чудак:
«Я мыслю, – пишет он, – итак,
Я, несомненно, существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь, – я пойму
Скорее истину такую.
Огнём, похищенным с небес,
Япетов сын (гласит преданье)
Одушевил своё созданье,
И наказал его Зевес
Неумолимый, Прометея
К скалам Кавказа приковал,
И сердце вран ему клевал;
Но, дерзость жертвы разумея,
Кто приговор не осуждал?
В огне волшебных ваших взоров
Я занял сердца бытие:
Ваш гнев достойнее укоров,
Чем преступление мое,
Но не сержусь я, шутка водит
Моим догадливым пером.
Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.
Душою праздный с давних пор,
Ещё твержу любовный вздор,
Ещё беру прельщенья меры,
Как по привычке прежних дней
Он ароматы жжёт без веры
Богам, чужим душе своей.
Между январем и июнем 1824

77

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.
Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?
Нет! утешает свет её
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.
Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлёт ответный взор
И нежностью горит.
С неё в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы её
На небо и с небес.
Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.
Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.
Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлёт ответный взор,
И нежностью горит.
Июль – начало августа 1824

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
78. НЕВЕСТЕ
А. Я. Васильевой

Не раз Гимена клеветали:
Его бездушным торговцем,
Брюзгой, ленивцем и глупцом
Попеременно называли.
Как свет его ни назови,
У вас он будет, без сомненья,
Достойным сыном уваженья
И братом пламенной любви!
1824 Роченсальм

79
Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревёт, и чёрные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пенясь, в прибрежные скалы.
Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геенны властелин,
Что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами,
Бунтующим могуществом своим.
Когда придёт желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай: красой далеких стран
Не очаровано моё воображенье.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре молодого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!
Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.
1824

80. ЛЕДА
В стране роскошной, благодатной,
Где Евротейский древний ток
Среди долины ароматной
Катится светел и широк,
Вдоль берега леда молодая,
Ещё не мысля, но мечтая,
Стопами тихими брела.
Уж близок полдень; небо знойно;
Кругом всё пусто, всё спокойно;
Река прохладна и светла;

Брега стрегут кусты густые...
Покровы пали на цветы,
И Леды прелести нагие
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользит по ним она;
Роскошно пенясь, перси полны
Лобзает жадная волна.
Но зашумел тростник прибрежный,
И лебедь стройный, белоснежный
Из-за него явился ей.
Сначала он, чуть зримый оком,
Блуждает в оплыве широком
Кругом возлюбленной своей,
В пучине часто исчезает,
Но, сокрываясь от глаз,
Из вод глубоких выплывает
Всё ближе к милой каждый раз.
И вот плывёт он рядом с нею.
Ей смелость лебеда мила,
Рукою нежною своюю
Его осанистую шею
Младая дева обняла;
Он жмет к деве, он украдкой
Ей перси нежные клюёт;
Он в песне радостной и сладкой
Как бы красы её поёт,
Как бы поёт живую негу!
Меж тем влечёт её ко берегу.
Выходит на берег она;
Устав, в тени густого древа
На мураву ложится дева,
На длань главою склонена.
Меж тем не дремлет лебедь страстный;
Он на коленях у прекрасной
Нашёл убежище своё;
Он сладкозвучно воздыхает,
Он важным клёвом вопрошает
Уста невинные её...
В изнемогающую деву
Огонь желания проник:
Уста раскрылись; томно клеву
Уже отвечает язык;
Уж на глаза с живым томленьем
Набросив пышные волосы,
Она нечаянным движеньем
Раскрыла все свои красы...
Приют свой прежний покидает
Тогда нескромный лебедь мой;
Он томно шею обвивает
Вкруг шеи девы молодой:
Его напрасно отклоняет
Она дрожащею рукой:
Он завладел –
Затрепетал крылами он, –
И вырывается у Леды
И детства крик, и неги стон.
1824

81

Мила, как грация, скромна,
Как Сандрильона;
Подобно ей, красой она
Достойна трона.
Приятна лира ей моя;
Но что мне в этом?
Быть королём желал бы я,
А не поэтом.

82. ЭПИГРАММА

Свои стишки Тощёв-пиит
Покроем Пушкина кроит,
Но славы громкой не получит,
И я котёнка вижу в нём,
Который, право, не путём
На голос лебедя мяучит.
1824?

83

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего ещё душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь!
Конец 1824 – начало 1825

84

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.
1824 или 1825

85

Когда взойдёт денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит всё существованья сладость, –
С душой твоей
Что в пору ту, скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?
Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьёшь их томных взоров сладость, –
С душой твоей
Что в пору ту, скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?
Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдёт заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! Что прежде было в радость,
То в муку ей.
Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! Знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! Его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! Что прежде было в радость,
То в муку ей.
1824 или 1825

86

Идиллик новый на искус
Представлен был пред Аполлона,
«Как пишет он? – спросил у муз
Бог беспристрастный Геликона. –
Никак, негодный он поэт?»
– «Нельзя сказать». – «С талантом?» – «Нет:
Ошибок важных, правда, мало,
Да пишет он довольно вяло».
– «Я понял вас – в суде моём
Не озабочусь я нисколько;
Вперед ни слова мне о нём.
Из списков выключить – и только».
1824 или 1825

87

Рука с рукой веселье, Горе
Пошли дорогой бытия;
Но что? Поссорилися вскоре
Во всём несходные друзья!
Лишь перекрёсток улучили,
Друг другу молвили: «Прости!»,
Недолго розно побродили,
Чрез день сошлись – в конце пути!
{1825}

88. ЗАПРОС М<УХАНО>ВУ

Что скажет другу своему
Любовник пламенный Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Её застенчивые взоры?
Любви заботою полна,
Огнём очей, ланит пыланьем
И персей томных волнованьем
Была ль прямой зарёй она
Иль только северным сияньем?
{1825}

89

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Даёт известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоны жизни платим мы.
{1825}

90

В борьбе с тяжелою судьбой
Я только пел мои печали:
Стихи холодные дышали
Души холодною тоской.
Когда б тогда вы мне предстали,
Быть может, грустный мой удел
Вы облегчили б. Нет! едва ли!
Но я бы пламеннее пел.
{1825}

91

Она придёт! К её устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим,
Но близ любезной укротим

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.
{1825}

92
Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нём жизни нет;
Но как на нём былых страстей
Ещё заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.
январь? 1825

93. К Д<ЕЛЬВИГУ> НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ЕГО ЖЕНИТЬБЫ
Ты распрощался с братством шумным
Бесстыдных, бешеных, но добрых шалунов,
С бесчинством дружеским весёлых их пиров
И с нашим счастьем вольнодумным
Благовоспитанный, степенный Гименей
Пристойно заменил проказника Амура,
И ветреных подруг, и ветреных друзей,
И сластолюбца Эпикура.
Теперь для двух коварных глаз
Воздержным будешь ты, смешным и постоянным;
Спасайся, милый!.. Но подчас
Не позавидуй окаянным!
31 октября 1825

94. Д. ДАВИДОВУ
Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминанье горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!
ноябрь 1825

95. К АННЕТЕ
Когда Климена подарила
На память это мне кольцо,
Её умильное лицо,
Её улыбка говорила:
«Оно твоё; когда-нибудь
Сама и вся твоей я буду;
Лишь ты меня не позабудь,
А я тебя не позабуду!»
И через день я был забыт.
Теперь кольцо её, Аннета,
Твой вечный друг тебе дарит.
Увы, недобрая примета

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Тебя, быть может, поразит!
Но неспособен я к измене, –
Носи его и не тужи,
А в оправдание Климене
Её обеты мне сдержи!
1825

96
Поверь, мой милый! твой поэт
Тебе соперник не опасный!
Он на закате юных лет,
На утренней заре ты юности прекрасной.
Живого чувства полный взгляд,
Уста цветущие, румяные ланиты
Влюблённых песенок сильнее говорят
С душой догадливой Хариты.
Когда с тобой наедине
Порой красавица стихи мои похвалит,
Тебя напрасно печалит
Её внимание ко мне:
Она торопит пробужденье
Младого сердца твоего
И вынуждает у него
Свидетельство любви, ревнивое мученье.
Что доброго в моей судьбе
И что я приобрел, красавиц воспевая?
Одно: моим стихом Харита молодая,
Быть может, выразит любовь свою к тебе!
Счастливым баловень Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его верней
И за притворные обиды
Лишь плату требовать умеи!
А мне, мне предоставь таить огонь бесплодный,
Рождённый иногда воззреньем красоты,
Умом оспаривать сердечные мечты
И чувство прикрывать улыбкою холодной.
1825

97. ЭПИГРАММА
«Что ни болтай, а я великий муж!
Был воином, носил недаром шпагу;
Как секретарь, судебную бумагу
Вам начерню, перебелю; к тому ж,
Я знаю свет, – держусь Христа и беса,
С ханжой ханжа, с повесою повеса;
В одном лице могу все лица я
Представить вам!» – «Хотя под старость века,
Фаддей, мой друг, Фаддей, душа моя,
Представь лицо честного человека».
{1826}

98
Тебе я младость шаловливу,
О сын Венеры! посвятил;
Меня ты плохо наградил –
Дал мало сердцу на разживу!
Подобно мне любил ли кто?
И что ж я вспомню, не тоскуя?
Два, три, четыре поцелуя!..
Быть так; спасибо и за то.
{1826}

99
Ты ропщешь, важный журналист,
На наше модное маранье:
«Всё та же песня: ветра свист,
Листов древесных увяданье..»
Понятно нам твоё страданье:

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
и без того освистан ты,
и так, подвалов достоянье,
Родясь, гниют твои листы.
{1826}

100. ЭПИГРАММА
И ты поэт, и он поэт;
Но меж тобой и им различие находят:
Твои стихи в печать выходят,
Его стихи – выходят в свет.
{1826}

101
Когда, печалью вдохновенный,
Певец печаль свою поёт,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдёт?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнёт осмеивать её?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытьё!
Не напряжённого мечтанья
Огнём услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душесмутительный поэт.
В борьбе с тяжёлою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружён
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заёмною мечта
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращённой,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребёнком на руках.
{1826}

102
Не трогайте парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам не много в нём добра,
И им Амур другие дал игрушки.
Любовь ли вам оставить в забытьи
Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их летейские струи –
На пальчиках чернила остаются.
Январь 1826

103
Есть грот: наяда там в полдневные часы
Дремоте предаёт усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую, под говор ключевой,
Склоняясь челом, венчанным осокой.
Конец, 1826

104. ОНА
Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.
Как сладкое душе воспоминанье,

Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечёт очарованье
К её ногам и под защиту к ней.
Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты – и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.
Бредёшь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой –
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.
{1827}

105

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.
Когда, доверяясь их измене,
Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене
Её тафтяные цветы,
Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк, –
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок.
Когда по рёбрам крепко стиснут
Пегас удалым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим пером.
{1827}

106

Окогчѣнная летунья,
Эпиграмма-хохотунья,
Эпиграмма-егоза
Трѣтся, вѣётся средь народа
И завидит лишь уroda –
Разом вцепится в глаза.
{1827}

107

Перелетай к веселью от веселья,
Как от цветка бежит к цветку дитя;
Не успевай, за суетой безделья,
Задуматься, подумать и шутя.
Пускай тебя к Кориннам не причислят,
Играй, мой друг, играй и верь мне в том,
Что многие о милой Лизе мыслят,
Когда она не мыслит ни о чём.
{1827}

108

Как сладить с глупостью глупца?
Ему впопад не скажешь слова;
Другого проще он с лица,
Но мудрёней в житье другого.
Он всем превратно поражѣн,
И всё навыворот он видит;
И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит.
{1827}

109

Когда б избрать возможно было мне
Любой удел, любое счастье в мире,
Я б не хотел быть славным на войне,
Я б не хотел играть на громкой лире,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
я злата бы себе не пожелал;
Но блага все единым именуя,
То дайте мне, богам бы я сказал,
Чем Д... понравиться могу я.
{1827}

110. ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именован каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье:
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он.
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.
Созданье ли болезненной мечты
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.
Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.
Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сражённый человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщённый дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!
Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? Что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилию дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всеильным увлекало.
Желания земные позабыв,

Чуждаяся их грубого влечения,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей и хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих,
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.
Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное блеянье.
И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синевя, вился
И жертвою очистительной дымился.
{1827}

111

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.
Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.
Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще –
Приют младенческих годов.
Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.
Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..
Я братьев знал; но сны молодые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные
И в мире нет уже других.
Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришёл я не один.
Привёл под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:

Мною супругу молодую
С младенцем тихим на руках.
Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, был мой утая,
Других урочищ вселенной
Не буду помнить бытия.
Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца берегу я
Одни, одни в любви моей.
Весна 1827

112. СМЕРТЬ

Смерть дочерью тьмы не назову я
И, раболепную мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу её косою.
О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.
Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твоё храненье всемогущий
Его устройство поручил.
И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его ля
И в нём прохладным дуновеньем
Смирять буйство бытия.
Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.
Даёшь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.
А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.
Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.
Недоуменье, принужденье –
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.
{1828}

113. ИЗ А. ШЕНЬЕ

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо моё утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую её, покой её люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музы –
Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.
{1828}

114

Люблю деревню я и лето:
И говор вод, и тень дубров,
И благовоние цветов;
Какой душе не мило это?
Быть так, прощаю комаров!
Но признаюсь – пустыни житель,
Покой пустынный в ней любя,
Комар двуногий, гость-мучитель,
Нет, не прощаю я тебя!
{1828}

115. СТАРИК

Венчали розы, розы Леля,
Мой первый век, мой век молодой:
Я был счастливый пустомеля
И девам нравился порой.
Я помню ласки их живые,
Лобзанья, полные огня...
Но пролетели дни младые,
Они не смотрят на меня!
Как быть? У яркого камина,
В укромной хижине моей,
Накрою стол, поставлю вина
И соберу моих друзей.
Пускай венок, сплетённый Лелем,
Не обновится никогда:
Года, увенчанные хмелем,
Ещё прекрасные года.
{1828}

116

Как ревностно ты сам себя дурачишь!
На хлопоты вставая до звезды,
Какой-нибудь да пакостью обозначишь
Ты каждый день без цели, без нужды!
Ты сам себя, и прост и подел вкупе,
Эпитимьёй затейливой казнишь:
Заботливо толчешь ты уголь в ступе
И только что лицо своё пылишь.
{1828}

117

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймёт надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? Точный смысл народной поговорки.
{1828}

118

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах. Как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И, как нашёл я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.
{1828}

119

Глупцы не чужды вдохновенья;
Им также пылкие мгновенья
Оно, как гениям, дарит:

Слетая с неба, все растенья
Равно весна животворит.
Что ж это сходство знаменует?
Что им глупец приобретёт?
Его капустою раздует,
А лавром он не расцветёт.
{1828}

120

Не подражай: Своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог!
{1828}

121

Слышал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали,
Бывало, беса призывали;
Им подражаю в этом я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;
Узнайте: ласковый бесёнок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасёнок.
С тех пор я вышел из пелёнок,
Между мужами возмужал,
Но для него ещё ребёнок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнётся мне в моей конурке –
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Большому духу здоровьем свистнет,
Бобами думу разведёт,
Живой водой веселье вспырнет,
А горе мертвую зальёт.
Когда в задумчивом совете
С самим собой из-за угла
Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущён;
Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он;
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолёт
Он подо мною развернёт,
И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несёт.
Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я от твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.
Октябрь 1828

122

Нет, обманула вас молва:
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.
1828?

123. ПРИ ПОСЫЛКЕ «БАЛА» С. Э<НГЕЛЬГАРДТ>

Тебе ль, невинной и спокойной,
Я приношу в нескромный дар
Рассказ, где страсти недостойной
Изображён преступный жар?
И безобразный и мятежный,
Он не пленит твоей мечты;
Но что? на память дружбы нежной
Его, быть может, примешь ты.
Жилец семейственного круга,
Так в дар приемлет домосед
От путешественника-друга
Пустыни дальней дикий цвет.
Конец 1828 – начало 1829

124

Хвала, маститый наш Зоил!
Когда-то Дмитриев бесил
Тебя счастливыми стихами,
Бесил Жуковский вслед за ним,
Вот Пушкин бесит. Как любим,
Как отличён ты небесами!
Три поколения певцов
Тебя красой своих венцов
В негодование приводили.
Пекись о здравии своём,
Чтобы, подобно первым трём,
Другие три тебя бесили.
{1829}

125

Чудный град порой сольётся
Из летучих облаков,
Но, лишь ветер его коснётся,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.
{1829}

126. В АЛЬБОМ

Альбом походит на кладбище:
Для всех открытое жилище,
Он также множеством имён
Самолюбиво испещрён.
Увы! народ добросердечный
Равно туда или сюда
Несёт надежду жизни вечной
И трепет Страшного суда.
Но я, смиренно признаюсь,
Я не надеюсь, не страшуся,
Я в ваших памятных листах
Спокойно имя помещаю.
Философ я: у вас в глазах
Моё ничтожество я знаю.
{1829}

127

Сердечным нежным языком
я искушал её сначала;
Она словам моим внимала
С тупым бессмысленным лицом.
В ней разбудить огонь желаний
Ещё надежду я хранил
И сладострастных осязаний
язык живой употребил...
Она глядела так же тупо,
Потом разгневалась глупо.
Беги за нею, модный свет,
Пленяйся девою идеальной, –
Владею тайной я печальной:
Ни сердца в ней, ни пола нет.
{1829}

128. К<НЯГИНЕ> З. А. ВОЛКОНСКОЙ
Из царства виста и зимы,
Где, под управой их двоякой,
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон –
Одушевлённый, сладострастный,
Где в кущах, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы,
Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для Капитолия Коринны;
Где жизнь игрива и легка,
Там лучше ей, чего же боле?
Зачем же тяжкая тоска
Сжимает сердце поневоле?
Когда любимая краса
Последним сном смыкает вежды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший мир ей уготован,
Что славой вечною светло
Там заблестит её чело;
Но скорбный дух не уврачёван,
Душе стеснённой тяжело,
И неутешно мы рыдаем.
Так, сердца нашего кумир,
Её печально провожаем
Мы в лучший край и лучший мир.
Февраль 1829

129. ЭПИГРАММА

Поверьте мне, Фиглярин-моралист
Нам говорит преумилённым слогом:
«Не должно красть: кто на руку нечист,
Перед людьми грешит и перед богом;
Не надобно в суде кривить душой,
Нехорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже нам всего!»
Ну что ж? Бог с ним! Всё это к правде близко,
А кажется, и ново для него.
Март – первая половина апреля 1829

130. ЭПИГРАММА

В восторженном невежестве своём
На свой аршин он славу нашу мерит;
Но позабыл, что нет клейма на нём,
Что одному задору свет не верит.
Как дружеским он вздором восхищён!
Как бешено своим доволен он!
Он хвалится горячею душою.
Голубчик мой! уверься наконец,
Что из глупцов, известных под луною,
Смешнее всех нам пламенный глупец.
1829

131

Не ослеплён я музою моею:
Красавицей её не назовут,
И юноши, узрев её, за нею
Влюблённую толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражён бывает мельком свет
Её лица необщим выраженьем,
Её речей спокойной простотой;
И он скорей, чем едким осужденье,
Её почитит небрежной похвалой.
1829

132. К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

В небе нашем исчезает
И, красой своей горда,
На другое востекает
Переходная звезда;
Но навек ли с ней проститься?
Нет, предписан ей закон:
Рано ль, поздно ль воротиться
На старинный небосклон.
Небо наше покидая,
Ты ли, милая звезда,
Небесам другого края
Передашья навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки в желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!
1829

133

Что пользы вам от шумных ваших прений?
Кипит война; но что же? Никому
Победы нет! Сказать ли, почему?
Ни у кого ни мыслей нет, ни мнений.
Хотите ли, чтобы народный глас
Мог увенчать кого-нибудь из вас?
Чем холостой словесной перестрелкой
Морочить свет и множить пустяки,
Порадуйте нас дельною разделкой:
Благословясь, схватитесь за виски.
1829

134

Порою ласковую фею
Я вижу в обаянье сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;

Но что же? Странно и во сне
Непокупное счастье мне:
Всегда дарам своим предложит
Условье некое она,
Которым, злобномышлена,
Их отравит иль уничтожит.
Знать, самым духом мы рабы
Земной насмешливой судьбы;
Знать, миру явному дотоле
Наш бедный ум порабощён,
Что переносит поневоле
И в мир мечты его закон!
1829?

135. ОТРЫВОК

Он
Под этой липою густою
Со мною сядь, мой милый друг;
Смотри, как живо всё вокруг!
Какой зелёной пеленою
К реке нисходит этот луг!
Какая свежая дуброва
Глядится с берега другого
В её весёлое стекло!
Как небо чисто и светло!
Всё в тишине; едва смущает
Живую сень и чуткий ток
Благоуханный ветерок;
Он сердцу счастье навевает!
Молчишь ты?
Она
О любезный мой!
Всегда я счастлива с тобой
И каждый миг равно ласкаю.
Он
Я с умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
От этих вод, лесов и гор
Я на эфирную обитель,
На небеса подъямлю взор
И думаю: велик зиждитель,
Прекрасен мир! Когда же я
Вспомню тою же порою,
Что в этом мире ты со мною,
Подруга милая моя...
Нет сладким чувствам выраженья,
И не могу в избытке их
Невольных слёз благодаренья
Остановить в глазах моих.
Она
Воздай тебе создатель вечный!
О чём ещё его молить!
Ах! об одном: не пережить
Тебя, друг милый, друг сердечный.
Он
Ты грустной мыслию меня
Смутила. Так! сегодня зренье
Пленяет свет весёлый дня,
Пленяет божие творенье;
Теперь в руке моей твою
Я с чувством пламенным сжимаю,
Твой нежный взор я понимаю,
Твой сладкий голос узнаю...
А завтра... завтра... как ужасно!
Мертвец незрячий и глухой,
Мертвец холодный!.. Луч дневной
В глаза ударит мне напрасно!
Вотще к устам моим прильнёшь

Ты воспалёнными устами,
Ко мне с обильными слезами,
С рыданьем громким воззовёшь:
Я не проснусь! И что мы знаем?
Не только завтра, сей же час
Меня не будет! Кто из нас
В земном блаженстве не смущаем
Такою думой?

Она
что с тобой?
Зачем твое воображенье
Предупреждает провиденье?
Бог милосерд, друг милый мой!
Здоровы, молоды мы оба,
Ещё далёко нам до гроба.

Он
Но всё ж умрём мы наконец,
Все ляжем в землю.

Она
Что же, милый?
Есть бытие и за могилой,
Нам обещал его Творец.
Спокойны будем: нет сомненья,
Мы в жизнь другую перейдём,
Где нам не будет разлученья,
Где все земные опасенья
С земною пылью отряхнём.
Ах! как любить без этой веры!

Он
Так, Всемогущий без нее
Нас искушал бы выше меры;
Так, есть другое бытие!
Ужели некогда погубит
Во мне Он то, что мыслит, любит,
Чем Он созданье довершил,
В чём, с горделивым наслажденьем,
Мир повторил Он отраженьем
И Сам себя изобразил?
Ужели творческая сила
Лукавым светом бытия
Мне ужас гроба озарила,
И только?.. Нет, не верю я.
Что свет являет? Пир нестройный!
Презренный властвует; достойный
Поник гонимую главой;
Несчастлив добрый, счастлив злой.
Как! не терпящая смешенья
В слепых стихиях вещества,
На хаос нравственный воззренья
Не бросит мудрость Божества?
Как! между братьями своими
Мы видим правых и благих,
И, превзойдён детьми людскими,
Не прав, не благ Создатель их?..
Нет! мы в юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Там, за могильным рубежом,
Сияет день незаходимый,
И оправдается незримый
Пред нашим сердцем и умом.

Она
Зачем в такие размышленья
Ты погружаешься душой?
Ужели нужны, милый мой,
Для убеждённых убежденья?
Премудрость вышнего Творца
Не нам исследовать и мерить;
В смиренье сердца надо верить

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
И терпеливо ждать конца.
Пойдем; грустна я в самом деле,
И от мятежных слов твоих,
Я признаюсь, во мне доселе
Сердечный трепет не затих.
1829?

136
Люблю я красавицу
С очами лазурными:
О! в них не обманчиво
Душа её светится!
И если прекрасная
С любовью томною
На милом покоит их,
Он мирно блаженствует,
Вовек не смутит его
Сомненье мятежное.
И кто не доверится
Сиянию их чистому,
Эфирной их прелести,
Небесной души её
Небесному знамению?
Страшна мне, друзья мои,
Краса черноокая;
За тёмной завесою
Душа её кроется,
Любовник пылает к ней
Любовью тревожною
И взорам двусмысленным
Не смеет довериться.
Какой-то недобрый дух
Качал колыбель её;
Оделася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралось в сердце к ней
Лукавство лукавого.
{1830}

137. ЭПИГРАММА
«Он вам знаком. Скажите, кстати,
Зачем он так не терпит знати?»
– «Затем, что он не дворянин».
– «Ага! нет действий без причин.
Но почему чужая слава
Его так бесит?» – «Потому,
Что славы хочется ему,
А на неё Бог не дал права,
Что не хвалил его никто,
Что плоский автор он». – «Вот что!»
Между 16 и 31 мая 1830

138. ЭПИГРАММА
Писачка в Фебов двор явился.
«Довольно глуп он! – Бог шепнул. –
Но самоучкой он учился, –
Пускай присядет, дайте стул».
И сел он чванно. Нектар носят,
Его, как прочих, кушать просят;
И нахлебался тотчас он,
И загорланил. Но раздался
Тут Фебов голос: «Как! зазнался?
Эй, надоумко, выведь вон!»
Май – начало июня 1830

139
Хотя ты малый молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:

Ты слова лишнего не скажешь
В беседе самой распашной;
Приязни глупой с первым встречным
Ты сгоряча не заведёшь,
К ногам вертушки не падёшь
Ты пастушком простосердечным;
Воздержным голосом твоим
Никто крикливо не хвалим,
Никто сердито не осужен.
Всем этим хвастать не спеши:
Не редкий ум на это нужен,
Довольно дюжинной души.
Июнь – июль 1830

140

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменя.
Игра стихов, игра золотая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежили меня!
Но всё проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов –
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.
Август – сентябрь 1831

141

Не славь, обманутый Орфей,
Мне Элизийские селенья:
Элизий в памяти моей
И не кропим водой забвенья.
В нём мир цветущей старины
Умерших тени населяют,
Привычки жизни сохраняют
И чувств её не лишены.
Там жив ты, Дельвиг! Там за чашей
Ещё со мною шутишь ты,
Поёшь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты.
Октябрь? 1831

142

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал,
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.
Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твоё согласие захотел.
Осень 1831

143

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корою
Ручей немеет,
Всё цепенеет;
Лишь ветер злой,
Бушует, воеет
И небо кроет
Седою мглой.
Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно даёт.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.
О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Её согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.
Между октябрем и декабрем 1831

144. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!
По воле случая слепого
Я познакомился с тобой
В те осмотрительные лета,
Когда смиренная диета
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опыт света
Меня наставил кой-чему,
Когда от бурных увлечений

Желанным отдыхом дыша,
Для благочинных размышлений
Созрела томная душа;
Но я люблю восторг удалый,
Разгульный жар твоих стихов.
Дай руку мне: ты славный малый,
Ты в цвете жизни, ты здоров;
И неумеренную радость,
Счастливец, славить ты в правах;
Звучит лирическая младость
В твоих лирических грехах.
Не буду строгим моралистом
Или бездушным журналистом;
Приходит всё своим чредом:
Послушный голосу природы,
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером;
Другого счастья поэтом
Ты позже будешь, милый мой,
И сам искупишь перед светом
Проказы музы молодой.
Первая половина ноября 1831

145. ЯЗЫКОВУ

Бывало, свет позабывая
С тобою, счастливым певцом,
Твоя Камена молодая
Венчалась гроздьем и плющом
И песни ветреные пела,
И к ней, безумна и слепа,
То, увлекаясь, пламенела
Любовью грубою толпа,
То, на свободные напевы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятным божеством.
Во взорах пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щеках,
Был жар хмельной в её глазах
Или румянец вождельенья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд менады надевает;
Яви ж, яви её скорей,
Певец, в достойном блеске миру:
Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;
Державный сан её открой,
Да изумит своей красой,
Да величавый взор смущает
Её злословного судью,
Да в ней хулитель твой познает
Мою царицу и свою.
Конец 1831

146

Мой неискусный карандаш
Набросил вид суровый ваш,
Скалы Финляндии печальной;
Средь них, средь этих голых скал,
Я, дни весны моей опальной
Влача, душой изнемогал.
В отчизне я. Перед собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживил
И, их рассеянно рисуя,
Теперь с улыбкою шепчу я:

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Вот где унылый я бродил,
Где, на судьбину негодуя,
Я веру в счастье отложил.
1831

147

«Дитя моё, – она сказала, –
Возьмёшь иль нет моё кольцо? –
И головою покачала,
С участием глядя ей в лицо. –
Знай, друга даст тебе, девица,
Кольцо счастливое мое,
Ты будешь дум его царица,
Его второе бытие.
Но договор судьбы ревнивой
С прекрасным даром сопряжён,
И красоте самолюбивой
Тяжёл, я знаю, будет он.
Свет, к ней суровый, не приметит
Её приветливых очей,
Её улыбку холодно встретит
И не поймет её речей.
Вотще ей разум дарованья.
И чувств и мыслей прямота:
Их свет оставит без вниманья,
Обезобразит клевета.
И долго, долго сиротою
Она по сборищам людским
Пойдёт с поникшей головою,
Одна с унынием своим.
Но девы нежной не обманет
Моё счастливое кольцо:
Ей судия её предстанет,
И процветет её лицо».
Внимала дева молодая,
Невинным взором весела,
И, тайный жребий свой решая,
Кольцо с улыбкою взяла.
Иди ж с надеждою весёлой!
Творец тебя благослови
На подвиг долгий и тяжёлый
Всезабывающей любви.
И до свершенья договора,
В твои ненастливые дни,
Когда нужна тебе опора,
Мне, друг мой, руку протяни.
{1832}

148

К чему невольнику мечтания свободы?
Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных берегах, по склону их русла;
Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путём неведомая сила
Влечёт. Бродячий ветер не волен, и закон
Его летучему дыханью положён.
Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем;
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желанья со жребием своим –
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля
Дарует страсти нам? и не её ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втеснённая судьбою.
{1832}

149

Наслаждайтесь: всё проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своенравно рок приводит
Нас к утехам и к бедам.
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красоты,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.
Не ропщите: всё проходит
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.
{1832}

150

Храни своё неопасенье,
Свою неопытность лелей;
Перед тобою много дней:
Ещё уловишь размышленье.
Как в Смольном цветнике своём,
И в свете сердцу будь послушной,
И монастыркой благодушной
Останься долго, долго в нём.
Пусть, для тебя преобразуем
Игрой младенческой мечты,
Он век не рознит с тихим раем,
В котором расцвела ты.
{1832}

151

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробуждённым вдохновеньем
Природу снова обниму?
Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, её светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла
И, лёгкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.
{1832}

152

Я не любил её, я знал,
Что не она поймёт поэта,
Что на язык души душа в ней без ответа;
Чего ж, безумец, в ней искал?
Зачем стихи мои звучали
Её восторженной хвалой
И малодушно возвещали

Её владычество и плен постыдный мой?
Зачем вверял я с умилением
Ей все мечты души моей?..
Туман упал с моих очей,
Её бегу я с отвращеньем!
Так, омрачённые вином,
Мы недостойному порою
Жмём руку дружеской рукою,
Приветствуем его с осклабленным лицом,
Красноречиво изливаем
Все думы сердца перед ним,
Ошибки тёмное создание храним,
Но блажь досадную напрасно укрощаем
Умом взволнованным своим.
Очнувшись, странному забвению дивимся,
И незаконного наперсника стыдимся,
И от противного лица его бежим.
{1832}

153

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжёлое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.
{1832}

154

О мысль! Тебе удел цветка:
Он свежий манит мотылька,
Прельщает пчёлку золотую,
К нему с любовью мошка льнёт
И стрекоза его поёт;
Утратил прелесть молодую
И чередой своей поблэк –
Где пчёлка, мошка, мотылёк?
Забыт он роем их летучим,
И никому в нём нужды нет;
А тут зерном своим падучим
Он зарождает новый цвет.
{1832}

155

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне.
Скажу ль? Мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.
{1832}

156

Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей,
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
И вежды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.

...

...
...
...
...
...
...
...

Я помню ясный, чистый пруд:
Под сению берёз ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут,
Светлея нивами меж рощ своих волнистых;
За ним встаёт гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
Ответ на всё, что в нём горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело
И счастье вновь уразумело.
Зачем же томный вздох и слёзы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.
Почий, почий легко под дёрном гробовым:
Воспоминанием живым
Не разлучимся мы с тобою!
Мы плачем... но прости! Печаль любви сладка,
Отрадны слёзы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разуверенья.
{1832}

157. К. А. ТИМАШЁВОЙ
Вам всё дано с щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владеете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой.
Что ж грусть поёт блестящая певица?
Что ж томны взоры красоты?
Печаль, печаль – души её царица,
Владычица её мечты.
Вам счастья нет, иль, на одно мгновенье
Блеснувши, луч его погас;
Но счастлив тот, кто слышит ваше пенье,
Но счастлив тот, кто видит вас.
{1832}

158
Своенравное прозвание
Дал я милой в ласку ей:
Безотчётное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нём свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит.
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой,
Здесь чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Им к тебе воскликну я,
И душе моей навстречу
Полетит душа твоя.
{1832}

159. ЭПИГРАММА

Кто непременный мой ругатель?
Необходимый мой предатель?
Завистник непременный мой?
Тут думать нечего: родной!
Нам чаще друга враг полезен, –
Подлунный мир устроен так;
О, как же дорог, как любезен
Самой природой данный враг!
Начало 1832

160. МАДОНА

Близ Пизы, в Италии, в поле пустом
(Не зрелось жилья на полмили кругом),
Меж древних развалин стояла лачужка;
С молоденькой дочкой жила в ней старушка.
С рассвета до ночи за тяжким трудом,
А всё-таки голод им часто знаком.
И дочка порою душой унывала;
Терпеньем скудея, на Бога роптала.
«Не плачь, не крушишься ты, солнце моё! –
Тогда утешала старушка её. –
Не плачь, переменится доля крутая:
Придёт к нам на помощь Мадона святая.
Да лик её веру в тебе укрепит:
Смотри, как приветно с холста он глядит!»
Старушка смиренная с речью такую,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,
И с тёплой верою в сердце простом,
Она с умилённым и кротким лицом
На живопись тёмную взор подымала,
Что угол в лачужке без рам занимала.
Но больше и больше нужда их теснит,
Дочь плачет, старушка своё говорит.
С утра по руинам бродил любопытный:
Забылся, красе их дивясь, ненасытный.
Кров нужен ему от полдневных лучей:
Стучится к старушке и входит он к ней.
На лавку садился пришлец утомлённый,
Но вспрянул, картиною вдруг поражённый.
«Божественный образ! чья кисть это, чья?
О, как не узнать мне! Корреджий, твоя!
И в хижине этой творенье таится,
Которым и царский дворец возгордится!
Старушка, продай мне картину свою,
Тебе за неё я сто пиастров даю».
«Синьор, я бедна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую».
«Я двести даю, согласися продать».
«Синьор, синьор! бедность грешно искушать».
Упрямства не мог победить он в старушке:
Осталась картина в убогой лачужке.
Но вскоре потом по Италии всей
Летучая весть разнеслася о ней.
К старушке моей гость за гостем стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.
За вход она малую плату берёт
И с дочкой своею безбедно живёт.
Прекрасно и чудно, о вера живая!
Тебя оправдала Мадона святая.
Начало 1832

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.
Весна, весна! Как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!
Шумят ручьи! Блещут ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!
Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.
Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне.
Что с нею, что с моей душой?
С ручьём она – ручей
И с птичкой – птичка! С ним журчит,
Летает в небе с ней!
Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?
Что нужды! счастлив, кто на нём
Забвенья мысли пьёт,
Кого далеко от неё
Он, дивный, унесёт!
Весна 1832

162. НА СМЕРТЬ ГЁТЕ
Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалеи,
Что гения череп – наследье червей.
Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашёл он предел.
Всё дух в нём питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времён упованья.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.
С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.
Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждёт ничего:
Творца оправдывает могила его.
И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Всё должное долу отдавший,
К предвечному лёгкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.
Апрель – май 1832

163. А. А. Ф<УКСОВ>ОЙ
Вы дочь Евы, как другая,
Как перед зеркалом своим
Власы роскошные вседневно убирая,
Их блеском шёлковым любясь перед ним,
Любясь ясными очами,
Обворожительным лицом
Блестящей грации, пред вами
Живописуемой услужливым стеклом,
Вы угадать смогли своё предназначенье?
Как, вместо женской суеты,
В душе довольной красоты
Затрепетало вдохновенье!
Прекрасный, дивный миг! Возликовал Парнас,
Хариту, как сестру, камни окружили,
От мира мелочей вы взоры отвратили:
Открылся новый мир для вас.
Сей мир свободного мечтанья,
В который входит лишь поэт,
Где исполнение находят все желанья,
Где сладки самые страданья
И где обманов сердцу нет.
Мы встретились в нём. Блестящими стихами
Вы обольстительно приветили меня.
Я знаю цену им. Дарована судьбами
Мне искра вашего огня.
Забуду ли я вас? Забуду ль ваши звуки?
В душе признательной отозвались они.
Пусть бездну между нас раскроет дух разлуки,
Пусть летят за днями дни:
Пребудет неразлучна с вами
Моя сердечная мечта,
Пока пленяюсь я лирными струнами,
Покуда радует мне душу красота.
Между 16 мая и 15 июня 1832

164. ЗАПУСТЕНИЕ
Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни весёлые живительного мая,
Когда, зелёными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов, –
Под очарованный твой кров
Замедлил я моим возвратом.
В осенней наготе стояли деревья
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замёрзлая трава,
И листья мёртвые, волнуясь, шумели;
С прохладой резко дышал
В лицо мне запах увяданья;
Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шёл
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провёл.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошёл я в дом заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады:
Там, думал я, к душе моей

Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишённые хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их ложе поросло травой,
Приют хозяйственный в них улья обрели,
И лёгкая тропа исчезла предо мною.
Ни в чём знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему лесистым косогором
Дорожка смелая ведёт меня... обвал
Вдруг поглотил её... Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы;
Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат её столпы,
Где остов мостика дряхлеет.
И ты, величественный грот,
Тяжёло-каменный, постигнут разрушеньем,
И угрожаешь уж паденьем,
Бывало, в летний зной прохлады полный свод!
Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Ещё прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей.
Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен,
Кто, безымянной неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к таинственному шуму
Сих клёнов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нём умолкнул слух.
Прияла прах его далекая могила,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь ещё живёт его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу.
Осень 1832

165. КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

Как жизни общие призывы,
Как увлеченья суеты,
Понятны вам страстей порывы
И обаяния мечты;
Понятны вам все дуновенья,
Которым в море бытия
Послушна наша ладия.
Вам приношу я песнопенья,
Где отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты
И между тем любви высокой,
Любви, добра и красоты.
Счастливы сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,

Но добровольно, шумный свет, –
Ещё порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.
Ищу я вас, гляжу: что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?
Что вам дарует провиденье?
Чем испытует небо вас?
И возношу молящий глас:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час!
Звезда разрозненной плеяды!
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благости молю.
От вас отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу.
1834

166. ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.
Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит Понт торговли груз
И не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!
Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек.
Цветёт Парнас! Пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струёю бьет;
Нежданный сын последних сил природы,
Возник поэт: идет он и поет.
Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.
Поклонникам Урании холодной
Поёт, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подымлетя от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.
И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?

Бодрым сердцем покоримся
Думам робким, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!
Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста вещать полуотверсты,
Но гордя главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край, но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!
Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.
Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. песни волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребёт питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!
И по-прежнему блистает
Хладной роскошью свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!
{1835}

167. НЕДОНОСОК

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землёй и небесами.
Блещет солнце – радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И весёлыми крылами
Ластюсь к ним, как облачко;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.
Но ненастье заревёт
И до облак, свод небесный
Омрачившись, вознесёт
Прах земной и лист древесный.
Бедный дух! Ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьёт, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.
Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! Вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,

Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю –
Грозно, чёрно тут и там;
Вопль уныло я подьему.
Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!
Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных – скорби тесных!
В тучу прячусь я и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.
Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!
{1835}

168. БОКАЛ

Полный влагой искромётной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин, –
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.
Чем душа моя богата,
Всё твоё, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струёю вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживлённой
Разногласою толпой.
Мой восторг неосторожный
Не обидит никого,
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего,
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!
Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!
О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.
И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк –
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченье
Общежительных страстей –
В одиноком упоенье
Мгла падёт с его очей!
{1835}

169. АЛКВИАД
Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;
Девы, тайно любуясь челом благородно-открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок?
{1835}

170
Там, где парил орёл двуглавый,
Шумели силы знамена, –
Звезда прекрасной, новой славы
Твоей рукою зажжена!
Искусства мирные трофеи
Ты внёс в отеческую сень, –
И был последний день Помпеи
Для русской кисти первый день.
Привет тебе Москвы радушной!
Ты в ней родное сотвори
И, сердца голосу послушный,
Взгляни на Кремль... и кисть бери.
Тебе Москвы бокал заздравный,
Тебя отчизна видит вновь;
Там славу взял художник славный,
А здесь – и слава, и любовь!
Январь 1836

171. ОСЕНЬ
1
И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виётся вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!
2
И вот сентябрь! И вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол,
Пред ним помчится прах летучий;
Качаясь, завоет роща, дол
Покроет лист её падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.
3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Весёлый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнажённых
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убелённых,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошённый злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопья стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрипящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъёмлетя кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! На строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пеннистая брага;
С семьёй своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды.
И спеет жатва дорогая,
И в зёрнах дум её собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, —

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащённые лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скоплённые презренья,
язвительный, неотразимый стыд
души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошёл, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой

Из глубины сердечная возник,
Вполне торжественной и дикой, –
Костями бы среди твоих забав
Содроглась ветренная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нём умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спешу, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блестает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным своей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревертенье –
Пусть в торжестве насмешливым своим
Ум бесполезный сердца трепет
Угломонит и тщетных жалоб в нём
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Её предел завидя издали,
Цветущий брег за мглою чёрной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверяясь чувством обновлённым,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примирённым,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой, –

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падёшь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утолённым разуменьем, –
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И лёгких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.
Вот буйственно несётся ураган,
И лес подьёмлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьёт волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдёт отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешёл.

15

Пускай, приняв неправильный полёт
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечёт;
Пусть заменит её другая;
Не явствует земле ущерб одной,

Не поражает ухо мира
Падения её далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Её сестры новорождённый свет
И небесам восторженный привет!
16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой –
Все образы години бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, –
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нём тебе грядущей жатвы нет!
Конец 1836 – начало февраля 1837, {1841}

172

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увёртлива, речиста.
Со всех сторон своих видна,
Как искушённая жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.
{1837}

173

Увы! Творец непервых сил!
На двух статейках утомил
Ты кой-какое дарованье!
Лишённый творческой мечты,
Уже, в жару нездравом, ты
Коверкать стал правописание!
Неаполь возмутил рыбарь,
И, власть прияв, как мудрый царь,
Двенадцать дней он градом правил;
Но что же? – непривычный ум,
Устав от венценосных дум,
Его в тринадцатый оставил.
1838

174

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей.
И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.
1838?

175. ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил её знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нём дружелюбной заботы полна,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в спасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.
На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним:
Нечуждая жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.
{1839}

176. ОБЕДЫ

Я не люблю хвастливые обеды,
Где сто обжор, не ведая беседы,
Жуют и спят. К чему такой содом?
Хотите ли, чтоб ум, воображенье,
Привёл обед в счастливое брожение,
Чтоб дух играл с играющим вином,
Как знатоки Эллады завещали?
Старайтесь, чтоб гости за столом,
Не менее харит своим числом,
Числа камен у вас не превышали.
{1839}

177

Мою звезду я знаю, знаю,
И мой бокал
Я наливаю, наливаю,
Как наливал.
Гоненьям рока, злобе света
Смеюсь я:
Живет не здесь – в звездах Мозта
Душа моя!
Когда ж коснутся уст прелестных
Уста мои,
Не нужно мне ни звезд небесных,
Ни звезд Аи!
{1839}

178

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не лёгkokрылых грёз, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.
Ощупай возмущённый мрак –
Исчезнет, с пустотой сольётся
Тебя пугающий призрак,
И заблуждёнью чувств твой ужас улыбнётся.
О сын фантазии! Ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Весёлый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинский вид даёт твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою –
Исчезнет, а за ним опять перед тобою
Обитатели духов откроются врата.

1839

179

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердце людских пред нами обнаживший.
Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намёк.
1839

180

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий,
Вольной песнью разольётся,
Скорбь-невзгода распоётся!
А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,
Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,
Не положишь ты на голос
С чёрной мыслью белый волос!
1839

181

Ещё, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвящённых рук бездарно возложение!
И я даю тебе мое благословенье
Во знаменье ином, о дева красоты!
Под этой розою главой склонись, о ты,
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной.
1839

182

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.
Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь, а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!
1840

183

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.
И юных граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты телесней

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
живых, блистательная тень!
{1840}

184. МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даёшь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье – одно.
Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!
{1840}

185

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец её! Тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч, бледнеет жизнь земная!
{1840}

186. РИФМА

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа жадного восторгов мусикийских,
В нём вера полная в сочувствие жила.
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побеждённая, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.
Когда на греческой амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил и славословил он
Или оплакивал народную фортуна
И устремлялися все взоры на него
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом, –
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит Бог
Его торжественным глаголом.
А ныне кто у наших лир
Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир
Опальный голос их уносит?
Меж нас не ведает поэт,
Его полёт высок иль нет!
Сам судия и подсудимый
Пусть молвит: песнопевца жар
Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос неразрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного берега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Миришь его твоим отзывом
И признаёшь его мечты!
{1840}

187. НОВИНСКОЕ
А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей лёгкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви – для вдохновенья.
1826, 1841

188
Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.
Гонит в нём наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай,
Но пристойную могилу,
Как уснёт он, предку дай.
{1841}

189
Что за звуки? Мимоходом
Ты поёшь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издеваясь над тобой.
А с тобой издавна тесен
Был союз камены песен,
И беседовал ты с ней,
Безымянной, роковою,
С дня, как в первый раз тобою
Был услышан соловей.
Бедный старец! Слышу чувство
В сильной песне... Но искусство...
Старцев старее оно;
Эти радости, печали –
Музыкальные скрижали
Выражают их давно!
Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений злой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире,
Звучен будет голос твой!
{1841}

190. РОПОТ
Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьёшься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.
{1841}

191. АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.
Обречён борьбе верховной,
Ты ли долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней?
Омовён её водою,
Знай, страданью над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!
{1841}

192. СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нём прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.
Но, бесконечно вожделенный,
Уже не властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.
В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдёт,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падёт,
Покуда, страсть уразумея
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечёт, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.
{1841}

193

Здравствуй, отрок сладкогласный!
Твой рассвет зарёй прекрасной
Озаряет Аполлон!
Честь возникшему пииту!
Малолетнюю хариту
Ранней лирой тронул он.
С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой
Чуткой грудию своею,
С первым солнцем, полный всею
Наступающей весной!
{1841}

194. С КНИГОЮ «СУМЕРКИ» С. Н. К<АРАМЗИНОЙ>

Сближеньем с вами на мгновенье
Я очутился в той стране,
Где в оны дни воображенье
Так сладко, складно лгало мне.
На ум, на сердце мне излили
Вы благодатные струи
И чудотворно превратили
В день ясный сумерки мои.
Конец мая – начало июня1842

195

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,

Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, –
Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стеснённой грудию восстонет,
И тихий гроб твой посетит,
И, над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?
Никто! Но сложится певцу
Канон намеднишним зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.
{1843}

196. ПИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!
Мчимся. Колёса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьётся за нами
Белая, рея меж вод и небес.
Только вдали, океана жилица,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбачья качается в море, –
С берегом набережное скрылось, ушло!
Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!
С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Тёмную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!
Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизии земной!
Апрель 1844 Средиземное море

197. ДЯДЬКЕ-ИТАЛЬЯНЦУ

Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноград, лимон её золотой
Тревожно бросивший, корыстью уязвленный,
И в край, суровый край, снегами покровенный,
Приставший с выбором загадочных картин,
Где что-то различал и видел ты один!
Прости наш здравый смысл, прости, мы та из наций,
Где брату вашему всех меньше спекуляций.
Никто их не купил. Вздохнув, оставил ты
В глушь севера тебя привлёкшие мечты;
Зато воскрес в тебе сей ум, на всё пригодный,
Твой итальянский ум, и с нашим очень сходный!

Ты счастлив был, когда тебе кое-что дал
Почтенный, для тебя богатый генерал,
Чтоб, в силу строгого с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора.
Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать лет.
Москва нас приняла, расставшихся с деревней.
Ты был вожатый мой в столице нашей древней.
Всех макаронщиков тогда узнал я в ней,
Ментора моего полуденных друзей.
Увы! оставив там могилу дорогую,
Опять увидели мы вотчину степную,
Где волею небес узнал я бытие,
О сын Авзонии, для бурь, как ты свое,
Но где, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кров обрёл, а позже гроб спокойный.
Ты полюбил тебя призревшую семью
И, с жизнью её сливая жизнь свою,
Её событиями в глуши чужого края
Былого своего преданья заглушая,
Безропотно сносил морозы наших зим;
В наш краткий летний жар тобою был любим
Овраг под сению дубов прохладовейных.
Участник наших слёз и праздников семейных,
В дни траура главой седой ты поникал,
Но ускорял шаги и членами дрожал,
Как в утро зимнее порой, с пределов света,
Питомца твоего, недавнего корнета,
К коленам матери кибитка принесёт
И скорбный взор её минутно оживёт.
Но что! радушному пределу благодарный,
Нет! ты не забывал отчизны лучезарной!
Везувий, Колизей, грот Капри, храм Петра
Имел ты на устах от утра до утра,
Именовал ты нам и принцев и прелатов
Земли, где зрел, дивясь, суворовских солдат,
Входящих вопреки тех пламенных часов,
Что, по твоим словам, со стогов гонят псов,
В густой пыли побед, в грозе небритых бород,
Рядами стройными в классический твой город;
Земли, где год спустя тебе предстал и он,
Тогда Буонапарт, потом Наполеон,
Минутный царь царей, но дивный кондотьер,
Уж жиждущий свои гигантские потери.
Скрывая власти глад, тогда морочил вас
Он звонкой пустотой революционных фраз.
Народ ему зажёг приветственные плошки;
Но ты, ты не забыл серебряные ложки,
Которые, среди блестящих общих грёз,
Ты контрибуции назначенной принёс;
Едва ты узнику печальному британца
Простил военную систему корсиканца.
Что на твоём веку, то ль благо, то ли зло,
Возникло, при тебе – в преданье перешло:
В альпийских молниях, приемлемый опалой,
Свой ратоборный дух, на битвы не усталый,
В картечи эпиграмм Суворов испустил.
Злодей твой на скале пустынной опочил;
Ты сам глаза сомкнул, когда мирские сети
Уж поняли тобой взлелеянные дети;
Когда, свидетели превратностей земли,
Они глубокий взор уставить уж могли,
Забвенья чуждые за жизненную чашей,
На итальянский гроб в ограде церкви нашей.
А я, я, с памятью живых твоих речей,
Увидел роскоши Италии твоей!
Во славе солнечной Неаполь твой нагорный,
В парах пурпуровых и в зелени узорной,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Неувядаемой, – амфитеатр дворцов
Над яркой пеленой лазоревых валов;
И Цицеронов дом, и злачную пещеру,
Священную поднесь камни суеверу,
Где спит великий прах властителя стихов,
Того, кто в сей земле волканов и цветов,
И ужасов, и нег взлелеял эпопею,
Где в мраки Тенара открыл он путь Энею,
Явил его очам чудесный сад утех,
Обитель сладкую теней блаженных тех,
Что, крепки в опытах земного треволнения,
Сподобились вкусить эфирных струй забвенья.
Неаполь! До него среди садов твоих
Сердца мятежные отыскивали их.
Сквозь занавес веков ещё здесь помнят виллы
Приюты отдохов и Мария и Силлы.
И кто, бесчувственный, среди твоих красот
Не жаждал в их раю обрести навес иль грот,
Где б скрылся, не на час, как эти полубоги,
Здесь Лету пившие, чтоб крепнуть для тревоги,
Но чтоб незримо слить в безмыслии златом
Сон неги сладостной с последним, вечным сном.
И в сей Италии, где всё – каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безымянный лист так преданно обник
Давно из божества разжалованный лик,
Потом с чела его повиснул полусонно, –
Всё беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не мог и, помня сладкий юг,
Дух предал строгому дыханью наших выюг,
Не сетуя о том, что за пределы мира
Он улететь бы мог на крыльях зефира!
О тайны душ! Меж тем как сумрачный поэт,
Дитя Британии, влачивший столько лет
По знойным берегам груди своей отравы,
У миртов, у олив, у моря и у лавы,
Молил рассеянья от думы роковой,
Владеющей его измученной душой, –
Напрасно! (Уст его, как древле уст Тантала,
Струя желанная насмешливо бежала).
Мир сердцу твоему дал пасмурный навес
Метелью полгода скрываемых небес,
Отчизна тощих мхов, степей и древ иглистых!
О, спи! безгрёзно спи в пределах наших льдистых!
Лелей по-своему твой подземельный сон,
Наш бурнодышащий, полночный аквилон,
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их упоем!
Первая половина июня 1844 Неаполь

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ ПРИ ЖИЗНИ БОРАТЫНСКОГО
198. ХОР, ПЕТЫЙ В ДЕНЬ ИМЕНИН ДЯДЕНЬКИ Б<ОГДАНА> АНДР<ЕЕВИЧА БОРАТЫНСКОГО> ЕГО
МАЛЕНЬКИМИ ПЛЕМЯННИЦАМИ ПАНЧУЛИДЗЕВЫМИ
Родству приятни нежной
Мы глас приносим сей,
В ней к счастью путь надежный,
Вся жизнь и сладость в ней.
Хоть чужды нам искусства
С приятством говорить,
Но сердца могут чувства
Дар тщетный заменить.
Из благ богатых света,
Усердьем лишь одним,
Чем можем в детски лета,
Мы праздник сей почтим.
Весны в возобновленьи!
Средь рощей, средь полей
Так птички возвращенье

Поют цветущих дней.
Увы! теперь природы
Уныл, печален вид;
Хлад зимней непогоды
Небесный кров мрачит.
И в ведро, и в ненастье
Гнетут печали злых, –
Но истинное счастье
Нигде, как в нас самих.
Смотрите, как сияет
Во всех усердья дух,
Как дышит всё, блистает
Веселостью вокруг.
Средь грозных бурь смятений,
Хоть гром вдали шумит,
Душевных наслаждений
Ничто не возмутит.
Хоть время невозвратно
Всех благ лишает нас,
Увы! хоть слишком внятно
Судеб сей слышен глас, –
О, пусть всегда меж нами
Жизнь ваша лишь течет
И дружба под цветами
Следы сокровит лет.
23 января 1817

199. МОЯ ЖИЗНЬ
Люблю за дружеским столом
С моей семьёю домовитой
О настоящем, о былом
Поговорить душой открытой.
Люблю пиров веселый шум
За полной чашей райской влаги,
Люблю забыть для сердца ум
В пылу вакхической отваги.
Люблю с красоткой записной
На ложе неги и забвенья
По воле шалости молодой
Разнообразить наслажденья.
1818 или 1819

200
Полуразрушенный, я сам себе не нужен
И с девою в сладкий бой вступаю безоружен.
1818 или 1819

201
Мы будем пить вино по гроб
И верно попадём в святые:
Нам явно показал потоп,
Что воду пьют одни лишь злые.
1818 или 1819

202
Здесь погребён армейский капитан.
Он честно жил и грешен не во многом:
Родился, спал и умер пьян –
Вот весь ответ его пред Богом.
1818 или 1819

203
В пустых расчётах, в грубом сне
Пусть другие время губят.
Честные люди – верьте мне –
Меня и жизнь мою полюбят.
1818 или 1819

204

Так, он ленивец, он негодник,
Он только что поэт, он человек пустой;
А ты, ты ябедник, шпион, торгаш и сводник.
О! человек ты деловой.
1820?

205

Я унтер, други! Точно так,
Но не люблю я бить баклуши,
Всегда исправен мой тесак,
Так берегите – уши!
1822?

206. В АЛЬБОМ

Когда б вы менее прекрасной
Случайно слыли у молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...
Когда б ещё сей голос нежный
И томный пламень сих очей
Любовью менее мятежной
Могли грозить душе моей;
Когда бы больше мне на долю
Даров послал питерский бог, –
Тогда бы дал я сердцу волю,
Тогда любить я вас бы мог.
Предаться нежному участию
Мне тайный голос не велит...
И удивление, по счастью,
От стрел любви меня хранит.
1822?

207

Младые грации сплели тебе венок
И им невинную стыдливость увенчали.
В него вплести и мне нельзя ли
На память миртовый листок?
Хранимый дружбою, он, верно, не увянет,
Он лучших чувств моих залогом будет ей,
Но друга верного и были прежних дней
Да поздно милая вспомянет,
Да поздно юных снов утратит лёгкий рой
И скажет в тихий час случайного раздумья:
«Не другом красоты, не другом остроумья –
Он другом был меня самой».
1823 или 1824 Фридрихсгам

208

Когда придётся как-нибудь
В досужный час вспомянуть
Вам о Финляндии суровой,
О финских чудных щеголях,
О их безужинных балах
И о Варваре Аргуновой –
Не позабудьте обо мне,
Поэте сиром и безродном,
В чужой, далёкой стороне,
Сердитом, грустном и голодном.
А вам, Анеточка моя,
Что пожелать осмелюсь я?
О! наилучшего, конечно:
Такой пребыть, какою вас
Сегодня вижу я на час,
Какою помнить буду вечно.
15 февраля 1824 Роченсальм

209

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов – самовластью –
Какой-то адскую любовь горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.
Конец 1824 – начало 1825

210

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои.
Не так ли славный вождь и друг Екатерины –
Орлов – ещё любил кулачные бои?
Апрель 1825

211

Я был любим, твердила ты
Мне часто нежные обеты,
Хранят бесценные мечты
Слова, душой твоей согреты.
Нет, не могу не верить им:
Я был любим, я был любим!
Всё тот же я, любви моей
Судьба моя не изменила;
Я помню счастье прежних дней,
Хоть, может быть, его забыла,
Забыла милая моя, –
Но тот же я, всё тот же я!
К свиданью с ней мне нет пути.
Увы! когда б предстал я милой,
Конечно, в жалость привести
Её бы мог мой взор унылый.
Одна мечта души моей –
Свиданье с ней, свиданье с ней.
Хитра любовь: никак она
Мне мой романс теперь внушает;
Её волнения полна,
Моя любезная читает,
Любовью прежней дышит вновь.
Хитра любовь, хитра любовь!
30 ноября или 1 декабря 1825

212

Простите, спорю невпопад
Я с вашей музою прелестной,
Но мне Парни ни сват, ни брат,
Совсем он не отец мой крестный.
Он мне, однако же, знаком:
Цитерских истин возвеститель,
Любезный князь, не спорю в том,
Был вместе с вами мой учитель.
Конец 1825

213

В своих листах душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мненья и сказанья,
Приятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твой нрав дурной приносит плод.
«Срамец! срамец! – все шепчут. – Вот известье!»
– «Эх, не тужи! Уж это мой расчёт:
Подписчики мне платят за бесчестье».
Середина января 1826

214. ОДА

Ни горы злата и серебра,

Ни неги сласть, ни сила власти
Душой желанного добра
Нам не дадут, покуда страсти,
Волнуя чувства каждый час,
Ненасытимы будут в нас.
Блаженство полное ни в чём
Нам не даровано богами,
Чтоб, руководствуясь умом,
Его создать могли мы сами,
Всегда тая в себе самих
Прямой источник благ своих.
1826

215
Откуда взял Василий непотешный
Потешного Буянова? Хитрец
К лукавому прибег с мольбою грешной.
«Я твой, – сказал, – но будь родной отец,
Но помоги». Плодятся без усилья,
Горят, кипят задорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадах чепухи.
Конец 1826

216
Хотите ль знать все таинства любви?
Послушайте девицу пожилую:
Какой огонь она родит в крови!
Какую власть дарует поцелую!
Какой язык пылающим очам!
Как миг один рассудок побеждает –
По пальцам всё она расскажет вам.
«Ужели всё она по пальцам знает?»
Конец 1826

217. С. Л. ЭНГЕЛЬГАРТ
Нежданное родство с тобой даруя,
О, как судьба была ко мне добра!
Какой сестре тебя уподоблю я,
Её рукой мне данная сестра!
Казалось, любовь в своём пристрастьё
Мне счастье дала до полноты;
Умножила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.
1826?

218
Мой старый пёс! Ты псом окончил век!
Я знал тебя ласкателем и вором.
Когда б ты был не пёс, а человек,
Ты б окошел, быть может, сенатором.
1826 или 1827

219
Убог умом, но не убог задором,
Блестящий феб, священный идол твой
Он повредил: попачкал мерным вздором
Его потом и восхищен собой.
Чему же рад нахальный хвастунишка?
Скажи ему, правдивый Аполлон,
Что твой кумир разбил он, как мальчишка,
И, как щенок, его изгадил он.
Начало 1827

220
Грузинский князь, газетчик русской
Героя трусом называл.
Не эпиграммою французской

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Ему наш воин отвечал –
На глас войны летит он к Куру,
Спасает родину князька,
А князь наш держит корректуру
Реляционного листка.
Конец февраля – начало марта 1827

221

Прости, мой милый! Так создать
Меня умела власть Господня:
Люблю до завтра отлагать,
Что сделать надобно сегодня!
Апрель? 1828

222

Не растравляй моей души
Воспоминанием былого:
Уж я привык грустить в тиши,
Не знаю чувства я другого.
Во цвете самых пылких лет
Всё испытать душа успела,
И на челе печали след
Судьбы рука запечатлела.
1832?

223. Н. Е. Б...

Двойною прелестью опасна,
Лицом задумчива, речами весела,
Как одалиска, ты прекрасна,
И, как пастушка, ты мила.
Душой невольню вострепенётся,
Кто на красавицу очей ни возведёт:
Холодный старец улыбнётся,
А пылкий юноша вздохнёт.
1832?

224

Вот верный список впечатлений
И лёгкий и глубокий след
Страстей, порывов юных лет,
Жизнь родила его – не гений.
Подобен он скрижали той,
Где пишет ангел неподкупный
Прекрасный подвиг и преступный –
Всё, что творим мы под луной.
Я много строк моих, о Лета!
В тебе желал бы окунуть
И утаить их как-нибудь
И от себя и ото света...
Но уж свое они рекли,
А что прошло, то непреложно.
Года волненья протекли,
И мне перо оставить можно.
Теперь я знаю бытие.
Одно желание мое –
Покой, домашние отрады.
И, погружён в самом себе,
Смеюсь я людям и судьбе,
Уж не от них я жду награды.
Но что? С бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Ещё, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.
Весна 1834

225. На ***

В руках у этого педанта
Могильный заступ, не перо,
Журнального негодянта
Как раз подроеет он бюро.
Он громогласный запевала,
Но запевала похорон...
Похоронил он два журнала,
И третий похоронит он.
{1840}

226

На всё свой ход, на всё свои законы.
Меж люлькою и гробом спит Москва;
Но и до ней, глухой, дошла молва,
Что скучен вист и веселей салоны
Отборные, где есть уму простор,
Где властвует не вист, а разговор.
И погналась за модой новосветской,
Но погналась старуха не путём:
Салоны есть, – но этот смотрит детской,
А тот, увы! – глядит гошпиталём.
1840?

227. КОТТЕРИИ

Братайтесь, к взаимной обороне
Ничтожностей своих вы рождены;
Но дар прямой не брат у вас в притоне,
Бездарные писцы-хлопотуны!
Наоборот, союзным на благое,
Речённого достойные друзья,
«Аминь, аминь, – вещал он вам, – где трое
Вы будете – не буду с вами я».
{1841}

228

Спасибо злобе хлопотливой,
Хвала вам, недруги мои!
Я, не усталый, но ленивый,
Уж пил летийские струи.
Слегка седеющий мой волос
Любил за право на покой;
Но вот к борьбе ваш дикий голос
Меня зовет и будит мой.
Спасибо вам, я не в утрате!
Как богоизбранный еврей,
Остановили на закате
Вы солнце юности моей!
Спасибо! молодость вторую,
И человеческим сынам
Досель безвестную, пирую
Я в зависть флакку, в славу вам!
1842?

229. МОЛИТВА

Царь небес! Успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенья пошли
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.
1842 или 1843

230. НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеётся луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг

Браздит поля с покорством и надеждой.
Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит от очей,
Пред вечным днём я опускаю вежды.
Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит, –
К её сынам ещё взывает лира.
Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.
Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый,
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!
Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извёл, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.
Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несёт рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.
И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: её заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.
1842?

231

Люблю я вас, богини пенья,
Но ваш чарующий наход,
Сей сладкий трепет вдохновенья, –
Предтечей жизненных невзгод.
Любовь камен с враждой фортуны –
Одно. Молчу! Боюсь я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.
И отрываюсь, полный муки,
От музыки, ласковой ко мне.
И говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснет в тишине!
1843?

232

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима.
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвётся душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне долы, леса благовонны,
Снятся упавших чертогов колонны!
1843?

233

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решалась ты делить его волненья,
В нём таинство печали полюбя.
Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нём чудесная любовь.
О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я принимал главой моей мятежной,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
С тобой себе и небу веря вновь.
Январь – февраль 1844

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В СОВАТОРСТВЕ С ДРУГИМИ ПОЭТАМИ

234

Там, где Семёновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко,
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили шутя: «Какое в россиянах чувство!»
1819

235. ПЕВЦЫ 15-ГО КЛАССА

Князь Шаховской согнал с Парнаса
И мелодраму и журнал;
Но жаль, что только не согнал
Певца 15-го класса.
Но я бы не согнал с Парнаса
Ни мелодраму, ни журнал,
А хорошенько б откатал
Певца 15-го класса.
Не мог он оседлать Пегаса –
Зато Хвостова оседлал,
И вот за что я не согнал
Певца 15-го класса.
(Теперь певцы говорят сами:)
Хотя и согнан я с Парнаса,
Всё на Песках я молодец:
Я председатель и отец
Певцов 15-го класса.
Я перевёл по-русски Тасса,
Хотя его не понимал,
И по достоинству попал
В певцы 15-го класса.
Во сне я не видал Парнаса,
Но я идиллии писал
И через них уже попал
В певцы 15-го класса.
Поймав в Париже Сен-Томаса,
Я с ним историю скропал
И общим голосом попал
В певцы 15-го класса.
Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгребал
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса.
Я, сам княжевич, от Пегаса
Толчки лихие получал
И за терпение попал
В певцы 15-го класса.
Хотел достигнуть я Парнаса,
Но Феб мне оплеуху дал,
И уж за деньги я попал
В певцы 15-го класса.¹
Кой-что я русского Парнаса,
Я не прозаик, не певец,
Я не 15-го класса,
Я цензор – сиречь, я подлец.
Сочинил унтер-офицер Евгений Боратынский с артелью

1823?

236

Наш приятель, Пушкин лёв,
Не лишен рассудка:
И с шампанским жирный плов,
И с груздями утка –
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силою желудка.
Федор Глинка молодец:
Псалмы сочиняет,
Его хвалит БОГ отец,
БОГ сын потекает.
Дух святой, известный льстец,
Говорит, что он певец...
Болтает, болтает.
1825

237. Быль

Встарь жил-был петух индейский,
Цапле руку предложил,
При дворе взял чин лакейский
И в супружество вступил.
Он детей молил, как дара, –
И услышал Саваоф:
Родилась цаплей пара,
Не родилось петухов.
Цапли выросли, отстали
От младенческих годов;
Длинные, очень длинные стали
И глядят на куликов.
Вот пришла отцу забота
Цаплей замуж выдавать;
Он за каждой два болота
Мог в приданое отдать.
Кулики к нему летали
Из соседних, дальних мест,
Но лишь корм они клевали, –
Не смотрели на невест.
Цапли вяли, цапли сохли,
Наконец, скажу, вздохнув:
На болоте передохли,
Носик в перья завернув.
1825

238

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример берите, дуры! –
Он дочерям в восторге закричал. –
Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! что слезой твоей осребрило взор?»
А тот ему в ответ: «Мне хочется на двор».
15 мая 1827

239. ЖУРНАЛИСТ ФИГЛЯРИН И ИСТИНА

Он точно, он бесспорно
Фиглярин-журналист,
Марающий задорно
Свой бестолковый лист.
А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его конура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьём наведена,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Занятиям мараки
Пришла мешать она.
16 мая 1827

240. КУПЛЕТЫ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КНЯГИНИ ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ В ПОНЕДЕЛЬНИК 3"го
ДЕКАБРЯ 1828 ГОДА, СОЧИНЕННЫЕ В МОСКВЕ: кн. П. А. Вяземским, Е. А. Боратынским,
С. П. Шевырёвым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским

Друзья! теперь виденья в моде,
И я скажу про чудеса:
Не раз явленьями в народе
Нам улыбались небеса.
Они нам улыбнутся мило,
Небесным гостем подаря.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.
Вокруг эфирной колыбели,
Где гость таинственный лежал,
Невидимые хоры пели,
Незримый дым благоухал.
Зимой весеннее светило
Взошло, безоблачно горя.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.
Оно зашло, и звёзды пали
С небес высоких – и светло
Венцом магическим венчали
Младенца милое чело.
И их сияньем озарило
Судьбу молодого бытия.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.
Одна ей пламя голубое
В очах пленительных зажгла,
И вдохновение живое
Ей в душу звучную влила.
В очах зажглось любви светило,
В душе поэзии заря.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.
Звездой полуденной и знойной,
Слетевшей с Тассовых небес,
Даны ей звуки песни стройной,
Дар гармонических чудес;
Явленье это не входило
В неверный план календаря,
Но знаем мы, что это было
Оно на третье декабря.
Земли небесный поселенец,
Росла пленительно она,
И, что пророчил в ней младенец,
Свершила дивная жена.
Недаром гениев кадило
Встречало утро бытия:
И утром чудным утро было
Сегодня, третье декабря.
Мы, написавши эти строфы,
Ещё два слова скажем вам,
Что если наши философы
Не будут верить чудесам,
То мы ещё храним под спудом
Им доказательство, друзья:
Она нас подарила чудом
Сегодня, в третье декабря.
Такая власть в её владенье,
Какая богу не дана:
Нам сотворила воскресенье
Из понедельника она
И в праздник будни обратило

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
Веселье, круг наш озаря;
Да будет вечно так, как было,
Днём чуда третье декабря!
3 декабря 1828

II. DUBIA

241

С неба чистая,
Золотистая,
К нам слетела ты;
Всё прекрасное,
Всё опасное
Нам пропела ты!
Между 1823 и 1825

242

Приют, от светских посещений
Надёжной дверью запертой,
Но благодарною душой
Открытый дружеству и девам вдохновений.
4 декабря 1833

III. СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

243. <АВРОРЕ ШЕРНВАЛЬ>

Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore
Adolescente au teint vermeil!
Verse lumière, et plus encore
Aux coeurs dont tu romps le sommeil.
Entends la voix déjà souffrante
De la jeunesse prevoyante:
«Pour qui se leve ce beau jour?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?»²
1824?

ПОЭМЫ

ПИРЫ

Друзья мои! я видел свет,
На всё взглянул я верным оком.
Душа полна была сует,
И долго плыл я общим током...
Безумству долг мой заплачён,
Мне что-то взоры прояснило;
Но, как премудрый Соломон,
Я не скажу: всё в мире сон!
Не всё мне в мире изменило:
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком,
Но никогда ещё, друзья,
Обманут не был я желудком.
Признаться каждый должен в том,
Любовник, иль поэт, иль воин, –
Лишь беззаботный гастроном
Названья мудрого достоин.
Хвала и честь его уму!
Дарами, нужными ему,
Земля усеяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чужд
Среди веселостей вседневных,
Не знает он душевных нужд,
Не знает он и мук душевных.
Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;
Своих почтительных рабов
Порой красавицы дурачат;

Иной храбрец, в отцовский дом
Являсь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом, –
О бог стола, о добрый ком,
В твоих утехах нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей,
Служить любви ещё прекрасней,
Приятно драться, но, ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!
Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольный,
Не золочёные главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольный.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол;
Вполне торжественны обеды;
Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт, уж он рядами
Несчётных блюд отягощён
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружён.
Ещё не сели; всё в молчанье;
И каждый гость вблизи стола
С весёлой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданье,
И сквозь прозрачный, лёгкий пар
Сияют лакомые блюда,
Златых плодов, десерта груды..
Зачем удел мой слабый дар!
Но так весной ряды курганов
При пробуждённых небесах
Сияют в пурпурных лучах
Под дымом утренних туманов.
Садятся гости. Граф и князь –
В застольном деле все удалы,
И осушают, не ленясь,
Свои широкие бокалы;
Они веселье в сердце льют,
Они смягчают злые толки;
Друзья мои, где гости пьют,
Там речи вздорны, но не колки.
И начались чудеса;
Смешались быстро голоса;
Собранье глухо зашумело;
Своих собак, своих друзей,
Певцов, героев хвалят смело;
Вино разнежило гостей
И даже ум их разогрело.
Тут всё торжественно встаёт,
И каждый гость, как муж толковый,
Узнать в гостиную идёт,
Чему смеялся он в столовой.
Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Немудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени древес, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,

Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блёстки острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищались на нём
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталём;
И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Своё любимое Аи.
Его звездающаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,
Как пылкий ум, не терпит плена,
Рвёт пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей
„Певцы пируют! – восклицали. –
Слепая чернь, благоговей!“
Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.
„Что потакать мечте унылой, –
Кричали вы. – Смелее пей!
Развеселись, товарищ милый,
Для нас живи, забудь о ней!“
Вздыхнув, рассеянно послушный,
Я пил с улыбкой равнодушной;
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывались печали,
И задрожавшие уста
„Бог с ней!“ невнятно лепетали.
И где ж изменница-любовь?
Ах, в ней и грусть – очарованье!
Я испытать желал бы вновь
Её знакомое страданье!
И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой, –
И каждый с ропотом вздохнул,
И брату руку протянул,
И вдаль побрёл своей дорогой;
И каждый в горести немой,
Быть может, праздною мечтой
Теперь былое пролетает
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминает.
О, если б тёплой мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту.)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой тёмной осенённый,
Родной отцам моих отцов,

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru

Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберёмтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Д<ельви>г мой,
Мой брат по музам и по лени,
Ты, П<ушки>н наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!
Слепой владычицей сует
От колыбели позабытый,
Чем угостит анахорет,
В смиренной хижине укрытый?
Его пустынный обед
Не будет лакомый, но сытый.
Весёлый будет ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетели,
И разгадать у бытия
Мы много тайного успели;
Что ни ласкало в старину,
Что прежде сердцем ни владело –
Подобно утреннему сну,
Всё изменило, улетело!
Увы! на память нам придут
Те песни за весёлой чашей,
Что на Парнасе берегут
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет,
Плоды счастливого забвенья,
Где воплотить умел поэт
Свои живые сновиденья...
Не обрести замены им!
Чему же веру мы дадим?
Пирам! в безжизненные лета
Душа остывшая согрета
Их утешением живым.
Пускай навек исчезла младость –
Пируйте, други: стуком чаш
Авось приманенная радость
Ещё заглянет в угол наш.
1820, «1832»

„Соревнователь просвещения и благотворения“, 1821, ч. 13, № 3

ЭДА

„Чего робеешь ты при мне,
Друг милый мой, малютка Эда?
За что, за что наедине
Тебе страшна моя беседа?
Верь, не коварен я душой;
Там, далеко, в стране родной,
Сестру я добрую имею,
Сестру чудесной красоты;
Я нежно, нежно дружен с нею,

И на неё похожа ты.
Давно... что делать?... но такая
Уж наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видал
Родного счастливого края,
Сестры моей не целовал!
Лицом она, будь сердцем ею,
Мечте моей не измени
И мне любовь твою
Её любовь напояни!
Мила ты мне. Веселье, муку –
Всё жажду я делить с тобой;
Не уходи, оставь мне руку!
Доверься мне, друг милый мой!“
С улыбкой вкрадчивой и льстивой
Так говорил гусар красивый
Финляндке Эде. Русь была
Ему отчизной. В горы Финна
Его недавно завела
Полков бродячая судьбина.
Суровый край, его красам,
Пугаясь, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нём гранит пирамидальный;
По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы.
Не мира ль давнего лежат
Пред ним развалины угрюмы?
В доселе счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.
Прекрасней не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, власы златые
В небрежных кольцах по плечам,
И очи бледно-голубые,
Подобно финским небесам.
День гаснул, скалы позлащая.
Пред хижиной своей одна
Сидела дева молодая,
Лицом спокойна и ясна.
Подсел он скромно к деве скромной,
Завёл он кротко с нею речь;
Её не мыслила пресечь
Она в задумчивости томной,
Внимала слабым сердцем ей, –
Так роза первых вешних дней
Лучам неверным доверяет:
Почуя тёплый ветерок,
Его лобзаньям открывает
Благоуханный свой шипок
И не предвидит хлад суровый,
Мертвящий хлад, дохнуть готовый.
В руке гусара моего
Давно рука её лежала,
В забвеньи сладком, у него
Она её не отнимала.
Он к сердцу бедную прижал;

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал.
Весёлость ясная сияла
В её младенческих очах,
И наконец в таких словах
Ему финляндка отвечала:
„Ты мной давно уже любим,
Зачем же нет? Ты добродушен,
Всегда заботливо послушен
Малейшим прихотям моим.
Они докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я, –
Душа признательна моя.
Ты мне любезен: не всегда ли
я угождать тебе спешу?
Я с каждым утром приношу
Тебе цветы; я подарила
Тебе кольцо; всегда была
Твоим весельем весела;
С тобою грустным я грустила.
Что ж? Я и в этом погрешила:
Нам строго, строго не велят
Дружиться с вами. Говорят,
Что вероломны, злобны все вы;
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадёшь, когда полюбишь;
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь“.
– „Я твой губитель, эда? Я?
Тогда пускай мне казнь любую
Пошлёт небесный судия!
Нет, нет! я с тем тебя целую!“
– „На что? зачем? Какой мне стыд!“ –
Младая дева говорит.
Уж поздно. Встать, бежать готова
С негодованием она,
Но держит он. „Постой! Два слова!
Постой! Ты взорами сурова,
Ужель ты мной оскорблена?
О нет, останься: миг забвенья,
Минуту шалости прости! „
– „Я не сержуся; но пусти!“
– „Твой взор исполнен оскорбленья,
И ты лицом не можешь лгать:
Позволь, позволь для примиренья
Тебя ещё поцеловать“.
– „Оставь меня!“
– „Мой друг прекрасный!
И за ребяческую блажь
Ты неизвестности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь моё страданье!
И такова любовь твоя!
Друг милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не верю я!“
И дева бедная вздохнула,
И милый лик свой, до того
Отвороченный от него,
К нему тихонько обернула.
Как он самим собой владел!
С какою медленностью томной,
И между тем как будто скромной,
Напечатлеть он ей умел
Свой поцелуй! Какое чувство
Ей в грудь младую влил он им!
И лобызанием таким

Владеет хладное искусство!
Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь, полна в душе своей
желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;
Слетят на ложе сновиденья,
Тебе неизвестные досель,
И долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья.
На камнях розовых твоих
Весна игриво засветлела,
И ярко-зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладю душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черёмух фимиам
Там в чистом воздухе струится,
Свою негию страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай и в дол прекрасный
Не приходи, а сверх всего –
Беги гусара твоего!
Уже пустыня сном объята;
Встал ясный месяц над горой,
Сливая свет багряный свой
С последним пурпуром заката;
Двойная, трепетная тень
От чёрных сосен возлегает,
И ночь прозрачная сменяет
Погасший неприметно день.
Уж поздно. Дева молодая,
Жарка ланитами, встает
И молча, глаз не подымая,
В свой угол медленно идёт.
Была беспечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то девичья беседа;
Она приветно и светло
Когда-то всем глядела в очи.
Что ж изменить её могло?
Что ж это утро облекло,
И так внезапно, в сумрак ночи?
Она рассеянна, грустна;
В беседах вовсе не слышна;
Как прежде, ясного привета
Ни для кого во взорах нет;
Вопросы долго ждут ответа,
И часто странен сей ответ;
То жарки щеки, то бесцветны,
И, тайной горести плоды,
Нередко свежие следы
Горючих слёз на них заметны.
Бывало, слишком зашалит
Неосторожный постоялец –
Она к устам приставит палец,
Ему с улыбкой им грозит.

Когда же ей он подарит
Какой-нибудь наряд дешёвый,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать к матери бежит,
Меж тем его благодарит
Весёлым книксом. Шаловливо
На друга сонного порой
Плеснёт холодною водой
И убегает торопливо,
И долго слышен громкий смех.
Её трудов, её утех
Всегда в товарищи малюткой
Бывал он призван с милой шуткой.
Взойдет ли утро, ночи ль тень
На усыпленные холмы ляжет,
Ему красotka „добрый день“
И „добру ночь“ приветно скажет.
Где время то? При нём она
Какой-то робостию ныне
В своих движеньях смущена;
Весёлых шуток и в помине
Уж нет; незначащих речей
С ним даже дева не заводит,
Как будто стал он недруг ей;
Зато порой с его очей
Очей задумчивых не сводит,
Зато порой наедине
К груди гусара вся в огне
Бедняжка грудью припадает
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
К его лобзаньям обращает;
А в ночь бессонную, одна,
Одна с раскаяньем напрасным,
Сама волнением ужасным
Души своей утрачена,
Уныло шепчет: „Что со мною?
Мне с каждым днём грустней, грустней;
Ах, где ты, мир души моей!
Куда пойду я за тобою!“
И слёзы детские у ней
Неволью льются из очей.
Она была не без надзора.
Отец её, крутой старик,
Отчасти в сердце к ней проник.
Он подозрительного взора
С несчастной девы не сводил;
За нею следом он бродил,
И подсмотрел ли что такое,
Но только молодой шалун
Раз видел, слышал, как ворчун
Взад и вперед в своём покое
Ходил сердито; как потом
Ударил сильно кулаком
Он по столу и Эде бедной,
Пред ним трепещущей и бледной,
Сказал решительно: „Поверь,
Несдобровать тебе с гусаром!
Вы за углами с ним недаром
Всегда встречаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя,
Худому выучит. Беда
Падёт на дуру. Мне тогда
Забота будет небольшая:
Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мне не дочь“.
Тихонько слезы отирая
У грустной Эды: „Что ворчать? –

Сказала с кротостию мать. –
У нас смиренная такая
До сей поры была она.
И в чём теперь её вина?
Грешись, бедняжку обижая“.
– „Да, – молвил он, – ласкай её,
А я сказал уже своё“.
День после, в комнатке своей,
Уже вечернею порою,
Одна с привычною тоскою,
Сидела Эда. Перед ней
Святая Библия лежала.
На длань склонённая челом,
Она рассеянным перстом
Рассеянно перебирала
Её измятые листы
И в дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошёл он с пасмурным лицом,
В молчанье сел, в молчанье руки
Сжал на груди своей крестом;
Приметы скрытой, тяжкой муки
В нём всё являло. Наконец:
„Долг от меня, – сказал хитрец, –
С тобою требует разлуки.
Теперь услышать милый глас,
Увидеть милые мне очи
Я прихожу в последний раз;
Покроет землю сумрак ночи
И навсегда разлучит нас.
Виною твой отец суровый,
Его укоры слышал я;
Нет, нет, тебе любовь моя
Не нанесёт печали новой!
Прости!“ Чуть дышаща, бледна,
Гусара слушала она.
„Что говоришь? Возможно ль? Ныне?
И навсегда, любезный мой!.. „
– „Бегу отселе; но душой
Останусь в милой мне пустыне.
С тобою видеть я любил
Потоки те же, те же горы;
К тому же небу возводил
С небесной радостию взоры;
С тобой в разлуке свету дня
Уже не радовать меня!
Я волю дал любви несчастной
И погубил, доверясь ей,
За миг летящий, миг прекрасный
Всю красоту грядущих дней.
Но слушай! Срок остался краткой:
Пугаясь ревнивых глаз,
Везде преследующих нас,
Доселе мельком и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На расставанье
Позволь, позволь иметь с тобой
Мне безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдут,
И сном глубоким до денницы
Отяжелелые зеницы
Твои домашние сомкнут,
Приду я к тихому приюту
Моей любезной, – о, покинь
Девичий страх и на минуту
Затвор досадный отодвинь!
Прильну в безмолвии печальном
К твоим устам, о жизнь моя,

И в лобызании прощальном
Тебе оставлю душу я“.
Прискорбно дева поглядела
На обольстителя; не смела,
Сама не зная почему,
Она довериться ему:
Бедою что-то ей грозило;
Какой то страх в неё проник;
Ей смутно сердце говорило,
Что не был прост его язык.
Святая книга, как сначала,
Ещё лежавшая пред ней,
Ей долг её напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижав её: „Нет, нет, – сказала, –
Зачем со злобою такой
Играть моею простотой?
Иль мало было прегрешений?
Ещё ль, ещё ль охотный слух
Склоню на голос искушений?
Оставь меня, лукавый дух!
Оставь, без новых угрызений“.
Но вправду враг ему едва ль
Не помогал: с такою силой
Излил он ропот свой, печаль
Столь горько выразил, что жаль
Гусара стало деве милой;
И слёзы падали у ней
В тяжёлых каплях из очей.
И в то же время то моленья,
То пени расточал хитрец.
„Что медлишь? Дороги мгновенья! –
К ней приступил он наконец. –
Дай слово!“ – „Всею душой тоскуя,
Какое слово дать могу я, –
Сказала, – сжался надо мной!
Владею ль я сама собой!
И что я знаю!“ Пылко, живо
Тут к сердцу он её прижал.
„Я буду, жди меня!“ – сказал,
Сказал и скрылся торопливо.
Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиранный ужин разделя
С неприхотливыми родными,
Вошла девица в угол свой,
На дверь задумчиво взглянула.
„Поверь, опасен гость ночной!“ –
Ей совесть робкая шепнула,
И дверь её заложена.
В бумажки мягкие она
Златые кудри завернула,
Сняла поспешно, как-нибудь
Дня одеяния неловки,
Тяжело дышащую грудь
Освободила от шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Уж поздно, полночь, но ресницы
Сон не смыкает у девицы:
„Стучаться будет он теперь.
Зачем задвинула я дверь?
Я своенравна, в самом деле.
Пущу его: ведь миг со мной
Пробудет здесь любезный мой,
Потом навек уйдет отселе“.
Так мнит уж девица, и вот
С одра тихохонько встает,
Ко двери с трепетом подходит,

И вот задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вот руку медленно отводит,
Вот приближает руку вновь;
Железо двинулось – вся кровь
Застыла в девушке несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: „Друг прекрасный,
Не бойся, Эда, это я!“
И, от смятенья дух тая,
Полна неведомого жара,
Девица бедная моя
Уже в объятиях гусара.
Увы! досталась в эту ночь
Ему желанная победа:
Чувств упоённых превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда!
Заря багрянит свод небес.
Восторг обманчивый исчез;
С ним улетел и призрак счастья;
Открылась бездна нищеты,
Слезами скорби платишь ты
Уже за слёзы сладострастья!
Стыдясь пылающего дня,
На крае ложа рокового
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему: нет, нет, с тобой
Он не снесёт разлуки злой;
Тебе все дни его и ночи;
Отец его не устрашит,
Он подозренья усыпит,
Обманет бдительные очи;
Твой будет он, покуда жив..
Напрасно всё; она не внемлет,
Очей на друга не подьёмлет,
Уста безмолвные раскрыв,
Потупя в землю взор незрящий;
Ей то же друга разговор,
Что ветер, бессмысленно свистящий
Среди ущелин финских гор.
Недолго, дева красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нежная любовь
Любви коварной и нещадной.
Идёт поспешно день за днем.
Гусару дева молодая
Уже покорствуется во всем.
За ним она, как лань ручная,
Повсюду ходит. То четой
Приемлет их в полдневный зной
Густая сень дубровы сонной,
То зазовёт дремучий бор,
То приглашают гроты гор
В свой сумрак неги благосклонной;
Но чаще сходятся они
В долу соседственном, глубоком.
В густой рябиновой сени
Над быстро льющим потоком
Они садятся на траву.
Порой любовник в томной лени
Послушной деве на колени
Кладёт беспечную главу
И лёгким сном глаза смыкает.
Дух притаив, она внимает

Дыханью друга своего;
Древесной веткой отвевает
Докучных мошек от него;
Его волнистыми власами
Играет детскими перстами.
Когда ж подыметя луна
И дикий край под ней задремлет,
В приют укромный свой она
К себе на одр его приемлет.
Но дева нежная моя
Томится тайною тоскою.
Раз обыкновеню порою
У вод любимого ручья
Они сидели молчаливо.
Любовник в тихом забыти
Глядел на светлые струи,
Пред ним бегущие игриво.
Дорогой сорванный цветок
Он как-то бросил в быстрый ток.
Вздыхнула дева молодая;
На друга голову склоня.
„Так, – прошептала, – и меня,
Миг полелея, полаская,
Так на погибель бросишь ты!“
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки своё,
И на ресницах у неё
Неволью слёзы наворачнулись.
Она косынкою своей
Их отёрла и, веселей
Стараяся глядеть на друга:
„Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день ещё, и, статья может,
Я до разлуки роковой
Не доживу, господь поможет!“
Невинной нежностью не раз
Она любовника смущала
И сожаленье в нём подчас
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще он скучал
Её любовь тоскливой
И миг разлуки призывал
Уж как свободы миг счастливый.
Не тщетно!
Буйный швед опять
Не соблюдает договоров,
Вновь хочет с русским испытать
Неравный жребий бранных споров.
Уж переходят за Кюмень
Передовые ополченья, –
Война, война! Грядущий день –
День рокового разлученья.
Нет слёз у девы молодой.
Мертва лицом, мертва душой,
На суету походных сборов
Глядит она: всему конец!
На ней встревоженный хитрец
Остановить не может взоров.
Сгустилась ночь. В глубокий сон
Всё погрузилось. Унылый,
В последний раз идёт он к милой.
Ей утешенья шепчет он,
Её лобзает он напрасно.
Внимает, чувства лишена;

Даёт лобзать себя она,
Но безответно, безучастно!
Мечтанья все бежали прочь.
Они томительную ночь
В безмолвной горести проводят.
Уж в путь зовёт сиянье дня,
Уже ретивого коня
Младому воину подводят,
Уж он садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стоит, мутна очами.
Девушка бедная, прости!
Уж по далекому пути
Он поскакал. Уж за холмами
Не виден он твоим очам..
Согнув колена, к небесам
Она сперва воздела руки,
За ним простёрла их потом
И в прах поверглася лицом
С глухим стенаньем смертной муки.
Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под одежды снеговой
Кой-где вставая головами,
Скалы чернеют за скалами,
Во мгле волнистой и седой
Исчезло небо. Зашумели,
Завыли зимние метели.
Что с бедной девушкой моей?
Потух огонь её очей;
В ней Эды прежней нет и тени,
Изнемогает в цвете дней;
Но чужды слёзы ей и пени.
Как небо зимнее, бледна,
В молчанье грусти безнадежной
Сидит недвижно у окна.
Сидит и бури вой мятежный
Уныло слушает она,
Мечтая: „Нет со мною друга;
Ты мне постыл, печальный свет!
Конца дождусь ли я иль нет?
Когда, когда сметёшь ты, выюга,
С лица земли мой лёгкий след?
Когда, когда на сон глубокий
Мне даст могила свой приют
И на неё сугроб высокий,
Бушуя, ветры нанесут?“
Кладбище есть. Теснятся там
К холмам холмы, кресты к крестам,
Однообразные для взгляда;
Их (меж кустами чуть видна,
Из круглых камней сложена)
Обходит низкая ограда.
Лежит уже давно за ней
Могила девушки моей.
И кто теперь её отыщет,
Кто с нежной грустью навестит?
Кругом всё пусто, всё молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевельник шевелит.
1824-25, «1832»

„Мнемозина: Собрание сочинений в стихах и прозе“, ч. 4, М., 1825.

ТЕЛЕМА И МАКАР
Непостоянна, своевольна,

Ничем Телема не довольна;
Всегда душа её полна
Младенческого беспокойства;
Любила толстяка она
Совсем иного с нею свойства:
Макар не тужит ни о чем,
Ему покой всего дороже;
С весельем шумным незнаком,
Он незнаком со скукой тоже;
Заснёт он ночью крепким сном,
Едва глаза свои зажмурит;
Поутру встанет молодцом,
День целый после балагурит.
В любви причудливой своей
К Макару часто нестерпимой
Была Телема: милым ей
Хотелось быть боготворимой.
Однажды, чем-то оскорбясь,
Увлёкшись живостью сердечной,
В упрёках горьких излилась
Пред ним она. Макар беспечный
Покинул бедную, смеясь.
Без друга скучно и уныло
Тянулись дни. Из края в край
За ним бежать она давай:
Жить без Макара тошно было.
Надежды ветреной полна,
Приходит в Царское она.
Того ли встретит, иль другого:
„Не здесь ли милый мой дружок?
Макара нет ли дорогого?“
Никто без хохота не мог
Услышать имени такого.
„Какой Макар тобой любим?
Как разлучилась ты с ним?
Что он, голубушка, за диво?“
Она в ответ нетерпеливо:
„Нет лучше друга моего;
Он добродушен, доброхотен,
Весёлонравен, беззаботен,
Не ненавидит никого
И сам никем не ненавидим“.
„Ступай, – ответствовали ей, –
Здесь нет его: таких людей
Мы при дворе совсем не видим“.
Решилась далее идти
Моя беглянка молодая;
Заходит в лавру по пути,
Макара мирного найти
В сей мирной пристани мечтая.
Игумен ей: „Сказать ли вам?
Его мы долго поджидали;
Но, признаюсь, по пустякам!
Посты, раздор и скуку нам
В замену стены наши дали“.
Один неласковый чернец
Сказал вертушке наконец:
„Охота по миру шататься!
Найдется ль, полно, ваш беглец?
На том он свете, может статься!“
Телему сей живой мертвец
Чуть не взбесил таким приветом.
„Его найду я, мой отец,
Не беспокойтесь об этом.
Нет! о Макаре дорогом
Не понапрасну я тоскую:
Одна я жизнь ему дарую;
Не может быть он в мире том,

Когда я в этом существую!“
„Но где же встречу друга я? –
Мечтает странница моя. –
В столице? что же? не чудесно:
Между певцами, верно, он,
Которыми изображен
Он столь искусно и прелестно“.
Один из них ей молвил так:
„Вы обманулися, никак;
Не появлялся, к сожаленью,
И между нами ваш чудак;
О нём мы пишем кое-как,
По одному воображенью!“
Совет пред нею. На него
Взглянула странница – и мимо:
„Нет, для Макара моего
Такое место нестерпимо!
Там нет его. Не спорю в том:
Прельститься мог бы он двором,
Двор полон чудного угара;
Но за присутственным столом
Ввек не увижу я Макара!“
Надеясь друга повстречать,
Телема стала навещать
Гулянья, зрелища столицы,
Ко всем заглядывала в лица –
По пустякам! Приглашена
В дома блестящие она,
Где те счастливыцы председатель,
Которых светским языком
Людьми с утонченным умом,
Людьми со вкусом называют;
Они приветливы лицом,
Речами веселы, свободны
И с милым сердцу беглецом
Ей показались очень сходны.
Но чем с Макаром дорогим
Похожей быть они старались,
Тем от прямого сходства с ним
Они заметней удалялись!
Тоска, печаль её взяла;
Наскуча бегать по-пустому
Из места в место, побрела
Она тихохонько до дому.
В давно покинутый приют
Приходит странница – и что же?
Уже Макар с улыбкой тут
Подругу ждал на брачном ложе.
„Со мною в мире и любви, –
Он молвил, – с этих пор живи;
Живи, о лишнем не тоскуя,
И коль расстаться вновь со мной
Не хочешь, нрава тишиной
Себе приязнь мою даруя,
От угожденья моего
Не требуй более того,
Что я даю, что дать могу я“.
«1827»

„Северные цветы на 1827 год“

БАЛ

Глухая полночь. Строем длинным,
Осеребрённые луной,
Стоят кареты на Тверской
Пред домом пышным и старинным.
Пылает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров

Ревут смычки; толпа гостей;
Гул танца с гулом разговоров.
В роскошных перьях и цветах,
С улыбкой мёртвой на устах,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки светские сидят
И на блестящий вихорь зала
С тупым вниманием глядят.
Кружатся дамы молодые,
Не чувствуют себя самих;
Драгими камнями у них
Горят уборы головные;
По их плечам полунагим
Златые локоны летают;
Одежды лёгкие, как дым,
Их лёгкий стан обозначают.
Вокруг пленительных харит
И суетится и кипит
Толпа поклонников ревнивых;
Толкует, ловит каждый взгляд;
Шутя, несчастных и счастливых
Вертушки милые творят.
В движеньи всё. Горя добиться
Вниманья лестного красы,
Гусар крутит свои усы,
Писатель чопорно острится,
И оба правы: говорят,
Что в то же время можно дамам,
Меняя слева взгляд на взгляд,
Смеяться справа эпиграммам.
Меж тем и в лентах и в звездах,
Порою с картами в руках,
Выходят важные бояры,
Встав из-за ломберных столов,
Взглянуть на мчашиеся пары
Под гул порывистый смычков.
Но гости глухо зашумели,
Вся зала шёпотом полна:
„Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей“. – “ужели?” –
„В кадрили весело вертаться,
Вдруг помертвела!“ – “что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной,
Женою вашею?” – „Бог весть,
Мигрень, конечно!.. В сюрсах шесть“.
„Что с ней, кузина? танцевали
Вы в ближней паре, видел я?
В кругу пристойном не всегда ли
Она как будто не своя?“
Злословье правду говорило.
В Москве меж умниц и меж дур
Моей княгине чересчур
Слыть Пенелопой трудно было.
Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит,
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлён ли слух людей
Молвой побед её бесстыдных
И соблазнительных связей?
Но как влекла к себе всесильно
Её живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбались умильно!

Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец чёрных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?
Какая фее самовластной
Не уступила б из харит?
Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страстна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слёзы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В неё томленье слезы те;
Кто б не отёр их у печали,
Кто б не оставил красоте?
Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом её заразы страстной
Исполнен воздух! Жалок тот,
Кто в сладкий чад его вступает:
Ладью пловца водоворот
Так на погибель увлекает!
Беги её: нет сердца в ней!
Страшись вкрадчивых речей
Одуревающей приманки;
Влюблённых взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар – не жар любви.
Так, не сочувствия прямого
Могуществом увлечена –
На грудь роскошную она
Звала счастливица молодого;
Он пересоздан был на миг
Её живым воображеньем;
Ей своенравный зрелся лик,
Она ласкала с упоеньем
Одно видение своё.
И гасла вдруг мечта её:
Она вдалась в обман досадный,
Её прельститель ей смешон,
И средь толпы лаисе хладной
Уж неприметен будет он.
В часы томительные ночи,
Утех естественных чужда,
Так чародейка иногда
Себе волшебством тешит очи:
Над ней слились из облаков
Великолепные чертоги;
Она на троне из цветов,
Ей угождают полубоги.
На миг один восхищена
Живым видением она;
Но в ум приходит с изумленьем,
Смеётся сердца забытью
И с тьмой сливает мановеньем
Мечту блестящую свою.
Чей образ кисть нарисовала?
Увы! те дни уж далеко,

Когда княгиня так легко
Воспламенялась, остывала!
Когда, питомице прямой
И Эпикура и Ниноны,
Летучей прихоти одной
Ей были ведомы законы!
Посланник рока ей предстал;
Смущённый взор очаровал,
Поработил воображенье,
Слиял все мысли в мысль одну
И пролил страстное мученье
В глухую сердца глубину.
Красой изнеженной Арсений
Не привлекал к себе очей:
Следы мучительных страстей,
Следы печальных размышлений
Носил он на челе; в очах
Беспечность мрачная дышала,
И не улыбка на устах –
Усмешка праздная блуждала.
Он незадолго посещал
Края чужие; там искал,
Как слышно было, развлеченья
И снова родину узрел;
Но, видно, сердцу исцеленья
Дать не возмог чужой предел.
Предстал он в дом моей Лаисы,
И остряков задорный полк
Не знаю как пред ним умолк –
Главой поникли Адонисы.
Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,
Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,
Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца,
И, сколько ни был хладно-сжатым
Привычный склад его речей,
Казался чувствами богатым
Он в глубине души своей.
Неодолимо, как судьбина,
Не знаю, что в игре лица,
В движенье каждом пришлеца
К нему влекло тебя, о Нина!
С него ты не сводила глаз...
Он был учтив, но хладен с нею,
Её смущал он много раз
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она ль не знала, как в крови
Родить мятежное волненье,
Как в чувства дикий жар вдохнуть...
И всемогущее мгновенье
Его повергло к ней на грудь.
Мои любовники дышали
Согласным счастьем два-три дни;
Чрез день-другой потом они
Несходство в чувствах показали.
Забвенья страстного полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
К нему ласкалась; но суровый,
Унылый часто зрелся он:
Пред ним летал мятежный сон;
Всегда рассеянный, судьбину,
Казалось, в чём-то он винил,
И, прижимая к сердцу Нину,
От Нины сердце он таил.

Неблагодарный! Им у Нины
Все мысли были заняты:
Его любимые цветы,
Его любимые картины
У ней являлися. Не раз
Блистали новые уборы
В её покоях, чтоб на час
Ему прельстить, потешить взоры.
Был втайне убран кабинет,
Где сладострастный полусвет,
Богинь роскошных изваянья,
Курений сладких лёгкий пар –
Животворило все желанья,
Вливало в сердце томный жар.
Вотще! Он предан был печали.
Однажды (до того дошло)
У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблистали.
Страстей противных беглый спор
Лицо явило. „Что с тобою, –
Она сказала, – что твой взор
Всё полон мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою
Я боле в сердце не таю:
Печаль с тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебе тяжка, тебе докучна
Любовь безумная моя!
Скажи, за что твоё презренье?
Скажи, в сердечной глубине
Ты нечувствителен ко мне
Иль недоверчив? Подозренье
Я заслужила. Старины
Мне тяжело воспоминанье:
Тогда всечасной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Один кумир на долгий срок
Поработить его не мог;
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашнего дня, –
Мне вверить сердце безрассудно,
Ты прав, но выслушай меня.
Беги со мной – земля велика!
Чужбина скроет нас легко,
И там неизвестно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мне Италию порой
Хвалил с блестящим увлеченьем;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньем;
Там солнце пышно, там луна
Восходит, сладости полна;
Там вьются лозы винограда,
Шумят лавровые леса, –
Туда, туда! с тобой я рада
Забыть родные небеса.
Беги со мной! Ты безответен!
Ответствуй, жребий мой реши.
Иль нет! зачем? Твоей души
Упорный холод мне приметен;
Молчи же! не нуждаюсь я
В словах обманчивых, – довольно!
Любовь несчастная моя
Мне свыше казнь... но больно, больно!..“
И зарыдала. Возмущён
Её тоской: „Безумный сон
Тебя увлек, – сказал Арсений, –
Невольный мрак души моей –

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
След прежних жалких заблуждений
И прежних гибельных страстей.
Его со временем рассеет
Твоя волшебная любовь;
Нет, не тревожься, если вновь
Тобой сомненье овладеет!
Моей печали не вини“.
День после, мирною четою,
Сидели на софе они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла к плечу его.
На ближний столик, в думе скрытной
Облокотясь, Арсений наш
Меж тем по карточке визитной
Водил небрежный карандаш.
Давно был вечер. С лёгким треском
Горели свечи на столе,
Кумиров мрамор в дальней мгле
Кой-где блистал неверным блеском.
Молчал Арсений, Нина тож.
Вдруг, тайным чувством увлечённый,
Он восклицает: „Как похож!“
Проснулась Нина: „Друг бесценный,
Похож! Ужели? мой портрет!
Взглянуть позволь... Что ж это? Нет!
Не мой: жеманная девчонка
Со сладкой глупостью в глазах,
В кудрях мохнатых, как болонка,
С улыбкой сонной на устах!
Скажу, красавица такая
Меня затмила бы совсем...“
Лицо княгини между тем
Покрыла бледность гробовая.
Её дыханье отошло,
Уста застыли, посинели;
Увлажил холодный пот чело,
Непомертвельные блестели
Глаза одни. Вещать хотел
Язык мятежный, но коснел,
Слова сливались в лепетанье.
Мгновенье долгое прошло,
И наконец её страданье
Свободный голос обрело:
„Арсений, видишь, я мертвею;
Арсений, дашь ли мне ответ!
Знаком ты с ревностию?.. Нет!
Так ведай, я знакома с нею,
Я к ней способна! В старину,
Меж многих редкостей Востока,
Себе я выбрала одну...
Вот перстень... с ним я выше рока!
Арсений! мне в защиту дан
Могучий этот талисман;
Знай, никакое злослученье
Меня при нём не устрасит.
В глазах твоих недоуменье,
Дивишься ты! Он яд таит“.
У Нины руку взял Арсений:
„Спокойна совесть у меня, –
Сказал, – но дожил я до дня
Тяжёлых сердцу откровений.
Внимай же мне. С чего начну?
Не предавайся гневу, Нина!
Другой дышал я в старину,
Хотела то сама судьбина.
Росли мы вместе. Как мила
Малютка Оленька была!

Её мгновеньями иными
Ещё я вижу пред собой
С очами тёмно-голубыми,
С тёмно-кудрявой головой.
Я называл её сестрою,
С ней игры детства я делил;
Но год за годом уходил
Обыкновенной чередою.
Исчезло детство. Притекли
Дни непонятного волненья,
И друг на друга возвели
Мы взоры, полные томленья.
Обманчив разговор очей.
И, руку Олинки моей
Сжимая робкою рукою,
„Скажи, – шептал я иногда, –
Скажи, любим ли я тобою?“
И слышал сладостное да.
В счастливый дом, себе на горе,
Тогда я друга ввел. Лицом
Он был приятен, жив умом;
Обворожил он Ольгу вскоре.
Всегда встречались взоры их,
Всегда велся меж ними шёпот.
Я мук язвительных моих
Не снес – излил ревнивый ропот.
Какой же ждал меня успех?
Мне был ответом детский смех!
Её покинул я с презреньем,
Всю боль души в душе тая.
Сказал „прости“ всему: но мщеньем
Сопернику поклялся я.
Всечасно колкими словами
Скучал я, досаждал ему,
И по желанью моему
Вскипела ссора между нами:
Стрелялись мы. В крови упав,
Навек я думал мир оставить;
С одра восстал я телом здрав,
Но сердцем болен. Что прибавить?
Бежал я в дальние края;
Увы! под чуждым небом я
Томился тою же тоскою.
Родимый край узрев опять,
Я только с милою тобою
Душою начал оживать“.
Умолк. Бессмысленно глядела
Она на друга своего,
Как будто повести его
Ещё вполне не разумела;
Но от руки его потом
Освободив тихонько руку,
Вдруг содрогнулася лицом,
И всё в нём выразило муку.
И, обессилена, томна,
Главой поникнула она.
„Что, что с тобою, друг бесценный?“ –
Вскричал Арсений. Слух его
Внял только вздох полустесненный.
– „Друг милый, что ты?“ – „Ничего“.
Ещё на крыльях торопливых
Промчалось несколько недель
В размолвках бурных, как досель,
И в примиреньях несчастливых.
Но что же, что же напослед?
Сегодня друга нет у Нины,
И завтра, послезавтра нет!
Напрасно, полная кручины,

Она с дверей не сводит глаз
И мнит: он будет через час.
Он позабыл о Нине страстной;
Он не вошёл, вошёл слуга,
Письмо ей подал... миг ужасный!
Сомненья нет: его рука!
„Что медлить, – к ней писал Арсений, –
Открыться должно... Небо! в чём?
Едва владею я пером,
Ищу напрасно выражений.
О Нина! Ольгу встретил я;
Она поныне дышит мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смешною.
Удел решён. По старине
Я верен Ольге, верной мне.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до поздних дней;
В нём понесу я наказание
Ошибок юности моей“.
Для своего и для чужого
Незрима Нина; всем одно
Твердит швейцар её давно:
„Не принимает, нездорова!“
Ей нужды нет ни в ком, ни в чем;
Питьё и пищу забывая,
В покое дальнем и глухом
Она, недвижимая, немая,
Сидит и с места одного
Не сводит взора своего.
Глубокой муки сон печальный!
Но двери пашут, растворясь:
Муж не весьма сентиментальный,
Сморкаясь громко, входит князь.
И вот садится. В размысленье
Сначала молча погружен,
Ногой потряхивает он;
И наконец: „С тобой мученье!
Без всякой грусти ты грустишь;
Как погляжу, совсем больна ты;
Ей-ей! с трудом вообразишь,
Как вы причудами богаты!
Опомнись тебе пора.
Сегодня бал у князь Петра;
Забудь фантазии пустые
И от людей не отставай;
Там будут наши молодые,
Арсений с Ольгой. Поезжай.
Ну что, поедешь ли?“ – „Поеду“, –
Сказала, странно оживясь,
Княгиня. „Дело, – молвил князь, –
Прощай, спешу я в клуб к обеду“.
Что, Нина бедная, с тобой?
Каков чувство овладело
Твоей болезненной душой?
Что оживить её умело,
Ужель надежда? Торопясь
Часы летят; уехал князь;
Пора готовиться княгине.
Нарядами окружена,
Давно не бывшими в помине,
Перед трюмо стоит она.
Уж газ на ней, струясь, блистает;
Роскошно, сладостно очам
Рисует грудь, потом к ногам
С гирляндой яркой упадает.
Алмаз мелькающих серёг
Горит за чёрными кудрями;

Жемчуг чело её облёт
И, меж обильными косами
Рукой искусной пропущён,
То видим, то невидим он.
Над головою перья веют;
По томной прихоти своей,
То ей лицо они лелеют,
То дремлют в локонах у ней.
Меж тем (к какому разрушенью
Ведёт сердечная гроза!)
Её потухшие глаза
Окружены широкой тенью
И на щеках румянца нет!
Чуть виден в образе прекрасном
Красы бывалой слабый след!
В стекле живом и беспристрастном
Княгиня бедная моя
Глядяся, мнит: „И это я!
Но пусть на страшное виденье
Он взор смущённый возведёт,
Пускай узрит своё творенье
И всю вину свою поймет“.
Другое тяжкое мечтанье
Потом волнует душу ей:
„Ужель сопернице моей
Отдамся я на поруганье!
Ужель спокойно я снесу,
Как, торжествуя надо мною,
Свою цветущую красу
С моей увядшею красою
Сравнит насмешливо она!
Надежда есть ещё одна:
Следы печали я сокрою
Хоть вполовину, хоть на час...“
И Нина трепетной рукою
Лицо румянит в первый раз.
Она явилася на бале.
Что ж возмутило душу ей?
Толпы ли ветреных гостей
В ярко блестящей, пышной зале,
Беспечный лепет, мирный смех?
Порывы ль музыки веселой,
И, словом, этот вихрь утех,
Больным душою столь тяжёлый?
Или двусмысленно взглянуть
Посмел на Нину кто-нибудь?
Иль лишним счастьем блистало
Лицо у Ольги молодой?
Что б ни было, ей дурно стало,
Она уехала домой.
Глухая ночь. У Нины в спальней,
Лениво споря с темнотою,
Перед иконой золотой
Лампада точит свет печальной.
То пропадёт во мраке он,
То заиграет на окладе;
Кругом глубокий, мёртвый сон!
Меж тем в блистательном наряде,
В богатых перьях, жемчугах,
С румянцем странным на щеках,
Ты ль это, Нина, мною зрима?
В переливающейся мгле
Зачем сидишь ты недвижима,
С недвижной думой на челе?
Дверь заскрипела, слышит ухо
Походку чью-то на полу;
Перед иконою, в углу,
Стал и закашлял кто-то глухо.

Сухая, дряхлая рука
Из тьмы к лампаде потянулась;
Светильню тронула слегка,
Светильня сонная очнулась,
И свет неожиданный и живой
Вдруг озаряет весь покой:
Княгини мамушка седая
Перед иконою стоит,
И вот уж, набожно вздыхая,
Земной поклон она творит.
Вот поднялась, перекрестилась;
Вот поплелась было домой;
Вдруг видит Нину пред собой,
На полпути остановилась.
Глядит печально на неё,
Качает старой головою:
„Ты ль это, дитячко моё,
Такою позднею порою?..
И не смыкаешь очи сном,
Горюя бог знает о чем!
Вот так-то ты свой век проводишь,
Хоть от ума, да неумно;
Ну, право, ты себя уходишь,
А ведь грешно, куда грешно!
И что в судьбе твоей худого?
Как погляжу я, полон дом
Не перечесть каким добром;
Ты роду-звания большого;
Твой князь приятного лица,
Душа в нём кроткая такая, –
Всечасно вышнего Творца
Благословляла бы другая!
Ты позабыла Бога... да,
Не ходишь в церковь никогда;
Поверь, кто Господа оставит,
Того оставит и Господь;
А Он-то духом нашим правит,
Он охраняет нашу плоть!
Не осердись, моя родная;
Ты знаешь, мало ли о чём
Мелю я старым языком,
Прости, дай ручку мне“. Вздыхая,
К руке княгининой она
Устами ветхими прильнула –
Рука ледяно-холодна.
В лицо ей с трепетом взглянула –
На нём поспешный смерти ход;
Глаза стоят и в пене рот...
Судьбина Нины совершилась,
Нет Нины! ну так что же? нет!
Как видно, ядом отравилась,
Сдержала страшный свой обет!
Уже билеты роковые,
Билеты с чёрною каймой,
На коих бренности людской
Трофеи, модой принятые,
Печально поражают взгляд;
Где сухощавые Сатурны
С косами грозными сидят,
Склонясь на траурные урны;
Где кости мёртвые крестом
Лежат разительным гербом
Под гробовыми головами, –
О смерти Нины должну весть
Узаконёнными словами
Спешат по городу разнести.
В урочный день, на вынос тела,
Со всех концов Москвы большой

Одна карета за другой
К хоромам князя полетела.
Обсев гостиную кругом,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила; но потом
Возникло томное жужжанье;
Оно росло, росло, росло
И в шумный говор перешло.
Объятый счастливым забвеньем,
Сам князь за дело принялся
И жарким богословским преньем
С ханжой каким-то занялся.
Богатый гроб несчастной Нины,
Священством пышным окружён,
Был в землю мирно опущён;
Свет не узнал её судьбины.
Князь, без особого труда,
Свой жребий вышней воле предал.
Поэт, который завсегда
По четвергам у них обедал,
Никак с желудочной тоски
Скропал на смерть её стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что их законная страница
В журнале дамском приняла.
1825-1828

„Две повести в стихах“. СПб., 1828

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ
Зевес, любя семью людскую,
Попарно души сотворил
И наперёд одну мужскую
С одною женской согласил.
Хвала всевышней благодетельнице!
Но в ней нам мало пользы ныне:
Глядите! ныне род людской,
Размножась, облил шар земной:
Куда пойду? мечтаешь с горем,
На хладный север, знойный юг?
За Белым иль за Чёрным морем
Блуждаешь ты, желанный друг?
Не всё. Задача есть другая.
Шатаюсь по свету, порой
Столкнёшься с родственной душой
И рад; но вот беда какая:
Душа родная – нос чужой
И посторонний подбородок!..
Враждуют чувства меж собой;
Признаться, способ мировой
Находкой был бы из находок!
Но он потерян между нас,
О нём живет один рассказ.
В земле, о коей справедливо
Нам чудеса вещает старь,
В Египте жил-был славный царь,
Имел он дочь – творенья диво,
Красот подсолнечных алмаз,
Любовь души, веселье глаз;
Челом белее лилий Нила;
Коралла пышного морей
Устами свежими алей;
Яснее дневного светила
Улыбкой ясною своей.
В пределах самых отдалённых
Носилась её хвала
И женихами привела

К ней полк царей иноплемённых.
И Мемфис-град заликовал!
В нём пир за пиром восставал:
Светла, прелестна, восседая
В кругу любовников своих,
Моя царевна молодая
Совсем с ума сводила их.
И всё бы ладно шло; но что же?
Всегда весёлая, она
Вдруг стала пасмурна, грустна,
Так что на дело не похоже.
К своим высоким женихам
Вниманье вовсе прекратила
И, кроме колких эпиграмм,
Им ничего не говорила.
Какая же была вина,
Что изменилась так она?
Любовь. Случайною судьбою
Державный пир её отца
Украшить лирною игрою
Призвали юного певца;
Не восхвалял он Озирида,
Не славил Аписа-быка,
Любовь он пел, о Зораида!
И песнь его была сладка,
Как вод согласное журчанье,
Как нежных горлиц воркованье,
Как томный, ропот ветерка,
Когда, в полудень воспалённый,
Лобзает он исподтишка
Цветок, роскошно усыплённый.
Свершился вышний приговор.
Свершился! никакою силой
Неотразимый, с этих пор
Пред ней носился образ милой;
С тех пор в душе её звучал,
Звучал всечасно голос нежной,
Её питал, упоевал
Тоскою сладкой и мятежной!
„Как глупы эти дикари,
Разноплемённые цари!
И как прелестен он!“ – вздыхая,
Мечтала дева молодая.
Но между тем летели дни;
Решенья гости ожидали,
Решенья не было. Они
Уже сердиться начинали.
Сам царь досадою вскипел;
Он не охотник был до шуток
И жениха, чрез трое суток,
Избрать царевне повелел.
Была, как громом, речью гневной
Младая дочь поражена.
На что ж, в судьбе своей плачевной,
Решилась, бедная, она?
Рыдала долго Зораида,
Взрывала сердце ей обида,
Взрывала сердце ей печаль;
Вдруг мысль в уме её родилась,
Лицом царевна прояснилась
И шепчет: „Ах, едва ль, едва ль...
Но что мы знаем? статья может,
Он в самом деле мне поможет“.
Вам рассказать я позабыл,
Что в эту пору, мой читатель,
Столетний маг в Мемфисе был,
Изиды вещей толкователь.
Он, если не лгала молва,

Проник все тайны естества.
На то и жил почтенный дядя;
Отвергнув мира суету,
Не пил, не ел, не спал он, глядя
В глаза священному коту.
И в нём-то было упование;
К нему-то, милые друзья,
Решилася на совещанье
Идти красавица моя.
Едва редееет мгла ночная,
И, пробуждаться начиная,
Едва румянится восток;
Еще великий Мемфис дремлет
И утро нехотя приемлет,
А уж, покинув свой чертог,
В простой и чуждой ей одежде,
Но страха тайного полна,
Доверясь ветреной надежде,
Выходит за город она.
Перед очами Зораиды
Пустыня та, где пирамиды
За пирамидами встают
И (величавые гробницы)
Гигантским кладбищем ведут
К стопам огромной их царицы.
Себе чудак устроил тут
Философический приют.
Блуждает дева молодая
Среди столицы гробовой;
И вот приметен кров жилой,
Над коим пальма вековая
Стоит, роскошно помавая
Широколиственной главой.
Царевна видит пред собой
Обитель старца. Для чего же
Остановилася она,
Внезапно взором смущена
И чутким ухом настороже?
Что дланью трепетной своей
Объемлет сердце? что так пышет
Её лицо? и грудь у ней
Что так неровно, сильно дышит?
Приносит песнь издалека
Ей дуновенье ветерка.
ПЕСНЯ
Зачем от раннего рассвета
До поздней ночи я пою,
Безумной птицей, о Ниэты!
Красу жестокою твою?
Чужда, чужда ты сожаленья:
Звезда взойдет, звезда зайдет;
Сурова ты, а мне забвенья
Бессильный лотос не дает.
Люблю, любя, в могилу сниду;
Несокрушима цепь моя:
Я видел диво-Зораиду,
И не забыл Ниэты я.
Чей это голос? Вседержитель!
Она ль его не узнаёт!
Певец, души её пленитель,
Другую пламенно поёт!
И вот что боги ей судили!
Уж ей колена изменили,
Уж меркнет свет в её очах,
Без чувств упала бы во прах,
Но нашей деве в то мгновенье
Предстало чудное виденье.
Глядит: в одежде шутовской

Бредёт к ней старец гробовой.
Паяс торжественный и дикий,
Белобородый, жёлтоликий,
В какой-то острой шапке он;
Пестреет множеством каракул
На нём широкий балахон, –
То был почтенный наш оракул.
К царевне трепетной моей
Подходит он; на темя ей
Приветно руку налагает,
Глядит с улыбкою в лицо
И ободрительно вещает:
„Прими чудесное кольцо;
Ты им, о дева! уничтожишь
Хитросплетённый узел твой;
Кому на перст его возложишь,
С тем поменяешься звездой.
Иди, а мудрость Озирида
Наставит свыше мысль твою.
Я даром сим, о Зораида,
Тебе за веру воздаю“.
Возвращена в свои чертоги,
Душою полная тревоги,
Царевна думает: „Во сне
Всё это чудилось мне?
Но нет, не сновиденье это!
Кольцо на палец мой надето
Почтенным старцем – вот оно.
Какую ж пользу в нём найду я?
Он говорил, его даруя,
Так бестолково, так темно“.
Опять царевна унывает,
Недоумения полна;
Но вот невольниц призывает
И отыскать повелевает
Свою соперницу она.
По повелению другому,
Как будто к празднику большому
Её чертоги убраны;
Везде легли ковры богаты
И дорогие ароматы
Во всех кадилах возжжены,
Все водометы пущены;
Блистают редкими цветами
Ряды узорчатых кошниц,
И полон воздух голосами
Дальнеземельных, чудных птиц;
Всё негой сладостною дышит,
Всё дивной роскошью пышет
На троне, радостным венцом,
Порфирой светлою блистая,
Сидит царевна молодая,
Окружена своим двором.
Вотще прилежно наблюдает
Её глаза смущённый двор
И угадать по ним желает,
Что знаменует сей позор.
Она в безмолвии глубоком,
Как сном объятая, сидит
И неподвижным, мутным оком
На двери дальние глядит.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь отворилась: „Вот она!“
Лицом бледнее полотна,
Царевна вскрикнула. Кого же
Узрела, скорбная душой,
В толпе невольниц пред собой?
Кого? – пастушку молодую,

Собой довольно недурную,
Но очень смуглую лицом,
Глазами бойкую и злую,
С нахмуренным, упрямым лбом.
Царевна смотрит и мечтает:
„Она ли мне предпочтена!“
Но вот придворных высылает
И остается с ней одна.
Царевна первого привета
Искала долго, наконец
Печально молвила: „Ниэта!
Ты видишь: пышен мой дворец,
В жемчуг и золото я одета,
На мне порфира и венец;
Я красотою диво света,
Очарование сердец!
Я всею славою земною
Наделена моей звездой, –
Чего желать могла бы я?
И что ж, Ниэта, в скорби чудной
Милее мне твой жребий скудный,
Милее мне звезда твоя.
Ниэта, хочешь ли, с тобою
Я поменяюся звездой?“
Мудрѣн царевнин был привет,
Но, не застенчива природно,
„Как вашей милости угодно“, –
Ниэта молвила в ответ.
Тогда на палец ей надела
Царевна дивное кольцо;
Закреть смущѣнное лицо
Руками бедная хотела;
Но что же? в миг волшебный сей
Моя царевна оживилась
Душой Ниэтиной; а в ней
Душа царевны очутилась.
И, быстрым чудом бытие
Переменив, лицо своё
Закрывает дурочка степная,
Царевна же, наоборот,
Спустила руки на живот,
Рот удивлѣнный разевая.
Где Зораида, где она?
Осталась тень её одна.
Когда ж лицо своё явила
Ниэта, руки опуствя
(О, как обеих их шутя
Одна минута изменила!),
Блистало дивной красотой
Лицо пастушки молодой;
Во взорах чувство выражалось,
Горела нежная мечта,
Для слова милого, казалось,
Сейчас откроются уста,
Ниэта та же, да не та.
Так из-за туч луна выходит,
Вдруг озаряя небеса,
Так зелень свежую наводит
На рощи пыльные роса.
С главой поникшею Ниэта,
С невольным пламенем лица
Тихонько вышла из дворца,
И о судьбе её до света
Не доходил уж слух потом.
Так что ж? о счастии прямом
Проведать людям неудобно;
Мы знаем, свойственно ему
Любить хранительную тьму,

И, драгоценное, подобно
В том драгоценному всему.
Где искромётные рубины,
Где перлы светлые нашли?
В глубоких пропастях земли,
На тёмном дне морской пучины.
А что с царевною моей?
Она с плотнейшим из князей
Великолепно обвенчалась.
Он с нею ладно жил, хотя
В иное время не шутя
Его супруга завиралась,
И даже под сердитый час
Она, возвыся бойкий глас,
Совсем ругательски ругалась.
Он не роптал на то ничуть,
Любил житье-бытье простое,
И сам, где надо, завернуть
Не забывал словцо лихое.
По-своему до поздних дней
Душою в душу жил он с ней.

Что я прибавлю, друг мой нежной?
Жизнь непогодю мятежной,
Ты знаешь, встретила меня;
За бедством бедство подымалось;
Век над главою моей, казалось,
Не взыдет радостного дня.
Порой смирял я песнопеньем
Порыв болезненных страстей;
Но мне тяжёлым вдохновеньем
Была печаль души моей.
Явилась ты, мой друг бесценный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Весёлый вздор болтаю я.
Прими мой труд непринуждённый!
Счастливым светом озаренный
Души, свободной от забот,
Он – твой достаток справедливой,
Он первый плод мечты игривой,
Он новой жизни первый плод.
1828-1829

„Северные цветы на 1829 год“

ЦЫГАНКА

ГЛАВА I

– Прощай, Елецкой: ты невесел,
И рассветает уж давно;
Пошло мне впрок твое вино:
Ух! я встаю насилу с кресел!
Не правда ль, братцы, по домам?
– Нет! пусть попляшет прежде нам
Его цыганка. Ангел Сара,
Ну что? потешить нас нельзя ль?
Ступай, я сяду за рояль.
– Могу сказать, вас будет пара:
Ты охмелен, и в сон она
Уже давно погружена.
Прощайте, господа!.. –
Гуляки
Встают, шатаясь на ногах;
Берут на стульях, на столах
Свои разбросанные фраки,
Свои мундиры, сюртуки;
Но, доброй воле вопреки,
Неспоры сборы. Шляпу на лоб

Надвинув, держит пред собой
Стакан недопитый иной
И рассуждает: „Надлежало б...“
Умом и телом недвижим,
Он долго простоит над ним.
Другой пред зеркалом на шею
Свой галстук вяжет, но рука
Его тяжка и неловка:
Все как-то врозь идут под нею
Концы проклятого платка.
К свече приставя трубку задом,
Ждет третий пасмурный чудак,
Когда закурится табак.
Лихие шутки сыплют градом.
Но полно: вон валит кабак.
– Прощай, Елецкой, до свиданья!
– Прощайте, братцы, добрый путь! –
И, сокращая провожанья,
Дверь поспешает он замкнуть.
Один оставшись, Елецкой
Брюзгливым оком обозрел
Покой, где праздник молодецкой
Порой недавнею гремел.
Он чувство возбуждал двойное:
Великолепье отжилое,
Штоф полинялый на стенах;
Меж окон зеркала большие,
Но всё и в пятнах и в лучах;
В пыли завесы дорогие,
Давно не чищенный паркет;
К тому же буйного разгуля
Всегдашний безобразный след:
Тут опрокинутые стулья,
Везде табачная зола,
Стаканы середи стола
С остатками задорной влаги;
Тарелки жирные кругом;
И вот, на выпуске печном,
Строй догоревших до бумаги
И в блеске утренних лучей
Уже бледнеющих свечей.
Открыв рассеянной рукою
Окно, Елецкой взор тупой,
Взор, отуманенный мечтой,
Уставил прямо пред собою.
Пред ним, светло озарена
Наставшим утром, ото сна
Москва торжественно вставала.
Под раннюю лазурной мглой
Блестящей влагой блеск дневной
Река местами отражала;
Аркада длинного моста
Белела ярко. Чуден, пышен,
Московских зданий красота,
Над всеми зданьями возвышен,
Огнем востока Кремль алел.
Зажгли лучи его живые
Соборов главы золотые;
Меж ними царственно горел
Иван Великий. Сад красивой,
Кругом твердыни горделивой
Вияся, живо зеленел.
Но он на пышную столицу
Глядел с душевною враждой.
За что? О том в главе другой
Найдут особую страницу.
Он был воскормлен сей Москвой.
Минувших дней воспоминанья

И дней грядущих упованья –
Всё заключал он в ней одной;
Но странной доли нёс он бремя,
И был ей чуждым в то же время,
И чуждым больше, чем другой.

ГЛАВА II

Отца и матери Елецкой
Лишился в годы те, когда
Обыкновенно жизни светской
Нам наступает череда.
И свет узнал он, и сначала
Являлся в вечер на три бала;
С визитной карточкой порой
Летел на выезд городской.
Согласно с общим заведением,
Он в праздник пасхи, в Новый год
К дядям и тёткам с поздравленьем
Скакал с прихода на приход...
Живее жизнью насладиться
Алкал безумец молодой
И начал с первых дней томиться
Пределов светских теснотой.
Ему в гостиных стало душно:
То было глупо, это скучно.
Из них Елецкой мой исчез,
И на желанном им просторе
Житьём он новым зажил вскоре
Между буянов и повес.
Развратных, своевольных правил
Несчастный кодекс он составил;
Всегда ссылалось на него
Его блажное болтовство.
Им проповедуемых мнений
Иль половины их большой,
Наверно, чужд он был душой,
Причастной лучших вдохновений;
Но, мысли буйством увлечён,
Вдвойне молву озлобил он.
С Москвой и Русью он расстался,
Края чужие посетил;
Там промотался, проигрался
И в путь обратный поспешил.
Своим пенатам возвращённый,
Всеми решительным венцом,
Цыганку взял к себе он в дом,
И, общим мненьем поражённый,
Сам рушил он, над ним смеясь,
Со светом остальную связь.
Тут нашей повести начало.
Неделя светлая была
И под Новинское звала
Граждан московских. Всё бежало,
Всё торопилось: стар и млад,
Жильцы лачуг, жильцы палат,
Живою, смешанной толпою,
Туда, где, словно сам собою,
На краткий срок, в единый миг,
Блистая пёстрыми дворцами,
Шумя цветными флюгерами,
Средь града новый град возник:
Столица лёгкая безделья
И бесчиновного веселья,
Досуга русского кумир!
Там целый день разгульный пир;
Там раздаются звуки трубы,
Звенят, гремят литавры, бубны;
Паясы с зыбких галерей
Зовут, манят к себе гостей.

Там клепер знает чёт и нечет;
Ножи проворные венцом
Кругом себя индеец мечет
И бисер нижет языком.
Гордясь лихими седоками,
Там одноколки, застучав,
С потешных гор летят стремглав.
Своими длинными шестами
Качели крашенные там
Людей уносят к небесам.
Волшебный праздник довершая,
Меж тем с весёлым торжеством
Карет блестящих цепь тройная
Катится медленно кругом.
Меж балаганов оживлённых,
Ежеминутно осаждённых
Нетерпеливою толпой,
Давно бродил Елецкой мой.
Окинув взорами собранье,
В одном остановил вниманье
Он на девице молодой.
Своими чистыми очами,
Своими детскими устами,
Своей спокойной красотой,
Одушевлённой выраженьем
Сей драгоценной тишины,
Она сходна была с виденьем
Его разборчивой весны.
Давно он знал её заочно.
С его глазами ненарочно
Глазами встретилась она;
Их выраженьем смущена,
Покрылась краскою живою
И отвела тихонько взор.
Охвачен бедственной межою,
Не зрел Елецкой с давних пор
Румянца этого святого!
Упадший дух подьемля в нём,
Он был для путника ночного
Денницы розовым лучом.
Он к милой думой умилённой
Летит. Меж тем она встает;
Девице руку подает
Её сосед, старик почтенной;
Из балагана идут вон –
И их в толпе теряет он.
Узнать, душою не в покое,
Он жаждет имя дорогое!
И незнакомка названа.
Гражданка сферы той она,
Того злопамятного света,
С кем в опрометчивые лета,
В избытке гордом юных сил,
Сам в бой неровный он вступил.
Смягчит ли идол оскорбленный
Он жертвой позднею своей?
Против него предубежденной,
Предстать осмелится ли ей?
И всех преград он сам виною!
Меж там в борьбе его с молвою
Прошло, промчалось много дней.
Елецкой мыслил промежутком;
Полней других созрел рассудком
Он в самом опыте страстей,
И наконец среди пороков,
Кипевших роем вокруг него,
И ядовитых их уроков,
И омраченья своего

В душе сберёг он чувства пламя.
Елецкой битву проиграл,
Но, побеждённый, спас он знамя
И пред самим собой не пал.

ГЛАВА III

Незамечаем и неведом,
За милю бродил он следом;
В тени задумчивых дубров
Прекрасных Пресненских прудов,
В аллеях стриженных бульвара,
Между красавиц городских
Искал он девы дум своих.
Не для блистательного дара
Актёров наших посещал
Он душный театральный зал –
Елецкой, сцену забывая,
С той ложи не сводил очей,
В которой Вера молодая
Сидела, изредка встречая
Взор, остановленный на ней.
Вкусив неполное свиданье,
Елецкой приходил домой
Исполнен мукою двойной;
Но, полюбив своё страданье,
Такой же встречи с новым днём
Искал в безумии своём.
Однажды... погасал, свежая,
Июльский день. Бульвар Тверской
Дремал под нисходящей мглой;
Пустела длинная аллея;
Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна.
Но со знакомыми своими
Ещё, в болтливом забытье,
Сидела Вера на скамье.
В соседстве, не замечен ими,
За липой тёмной и густой,
Стоял влюблённый наш герой.
Перчатку Вера уронила.
Поспешно поднял он её
И подал ей. Лицо своё
К нему с испугом обратила
Младая дева. Разговор
Прервав, на нём остановила
Встревоженный, но долгий взор.
Судьбу, душой своей довольной,
Он и за то благодарил.
Елецкой Веру поразил
Своей услугой своевольной,
И, хоть на час, её мечта
Им, верно, будет занята.
Что ж! и сомнительное счастье
Мгновенных, бедных этих встреч
Ему осеннее ненастье
Не позамедлило пресечь.
Покрылось небо облаками;
Дождь бесконечный ливня лил;
И вот мороз его сменил.
Застыли воды, снег клоками
На мостовую повалил, –
Пришла зима. Свистя, крутится
Метель на Пресненских прудах,
На обнаженных деревьях
Бульвара иней серебрится.
Там, где недавнею порой
Гуляли грации толпой,
Какой-нибудь жандарм усатый,
Шагая, шпорами стучит;

С метлой стоит мужик брадатый
Иль школьник с сумкою бежит.
Для балов, вечеров при этом
Театр оставлен модным светом.
Елецкой мрачен и сердит...
Но вот в известном маскараде
должна быть вера. Ожил он
И в полнадежде, в полдосаде
Лелеет деятельный сон.
Живая музыка играет;
Кадрили вьются ей под лад,
Кипит, пестреет маскарад.
В его затею не вступает,
И кстати, большинство гостей;
В тени их он ещё видней.
Призраки всех веков и наций,
Гуляют феи, визири,
Полишинели, дикари,
Их мучит бес мистификаций;
Но не выходит хитрых фраз:
„Я знаю вас! я знаю вас!..“
Ни у кого для продолженья
Недостает воображенья.
Признаться надобно: не нам,
Сугробов северных сынам,
Приноровляться к детям юга!
Метелей дух не создал нас
Для их блистательных проказ.
К чему неловкая натуга?
Мы сохраняем холод свой
В приёмах живости чужой.
Елецкой из ряду выходит
И веру чуть с ума не сводит.
Успел разведать он о ней
Довольно этих мелочей,
В которых тайны роковые
Девы видят молодые.
В словах запутанных своих
Он намекает ей о них;
И, удивленья и смущенья
Полна, горит она лицом
И вот выходит из терпенья.
„Я как обманутая сном!
Скажите, ради бога, кто вы?“
Елецкой
Вы любопытны, как дитя.
Итак, со мною не шутя
Вы познакомиться готовы?
Нежданным именем моим
Я испугаю вас.
Вера
Как скучно!
Всё шутки.
Елецкой
Я не склонен к ним
И остерёг вас добродушно.
Я дух... и нет глуши, жилья,
Где б я, незримый, не был с вами.
Всё чутким ухом слышу я,
Всё вижу зоркими очами.
Не бойтесь! слушаю, гляжу
Я с полной преданностью дружбы;
Неожидаемые службы
Я вам догадливо служу;
Однажды перед ваши очи
Я в виде смертного предстал;
В ту пору сумрак летней ночи
Мне образ видимый давал...

Вы узнаете?

Вера

Ваши сказки

Вы продолжите до утра.

Смотрите: все снимают маски,

Снимите же свою, пора!

Елецкой

Не мне. Оставьте убежденья,

Я не исполню ваш приказ.

Лицо открыл бы я для вас

Без выраженья, без значенья.

Нет, нет; я вспомню веселей

Сей разговор непринуждённый,

Почти нежданно уловлённый

Счастливой маскою моей,

Чем взор холодного смущенья,

Который на лицо моё

Вперите вы, когда её

Сниму я вам из угожденья.

Нет, я б не мог его снести!

Прощайте; я не здешний житель,

В мою неизвестную обитель

Я должен вовремя сойти.

Елецкой тихо удалился;

Уж был у выхода и зал

Совсем, казалось, покидал,

Но у дверей остановился:

Взглянуть он раз ещё желал

На Веру... Тихий взор он встретил,

Мольбу немую в нём заметил,

Укор в нём дружеский постиг,

И скинул маску. В этот миг

Пред ним лицо другое стало,

Очами гневными сверкало

И дико поднятой рукой

Грозило Вере и пропало

С Елецким вместе за толпой.

ГЛАВА IV

Едва весёлыми лучами

День новый окна озлатил,

Елецкой скорыми шагами

Уже по комнате ходил.

Порой, в забвении глубоком

Остановясь, прилежным оком

Во что-то всматривался он.

Во взорах счастье выражалось;

Перед душой его, казалось,

Летал весёлый, светлый сон.

Через мгновенье пробуждённый

Он, тем же чувством озарённый,

Свою прогулку продолжал

И скоро снова прерывал.

В покое том же, занимая

Диван, цыганка молодая

Сидела, бледная лицом.

Усталость выражали очи:

Казалось, в продолжение ночи

Их Сара не смыкала сном.

Она порывисто чесала

Густые чёрные волосы

И их на тёмные красы

Нагих плечей своих метала.

Она склонялась головой,

Но на Елецкого порой

Взор исподлобья подымала.

Какою злобой он дышал!

Другой мечты душою полон,

Подруги он не замечал;

К ней напоследок подошёл он.
„Что это смотришь ты совой? –
Сказал он. – Сара, что с тобой?
Да молви слово!“

Сара

Ах, мой боже!
Ты ждешь ответа моего?
Вот он: я знаю, отчего
Ты так доволен!
Елецкой
Отчего же?

Сара

Меня ты думал обмануть,
Когда вчера, кривя душою,
Ты мне с заботою такую
Скорей советовал заснуть!
„Устала, Сара? Дремлешь, Сара?
Ляг, Сара, спать!“ И я легла,
Да уж нарочно не спала!
Давно грозит мне эта кара!
Давно я брошена тобой!
Ты сутки целые порой
Двух слов со мной не произносишь,
Любимых песен петь не просишь!
Да и по ком твоя душа
Уж так смертельно заболела?
Её вчера я разглядела:
Совсем, совсем не хороша!
Елецкой

Так вот в чём дело!

Сара

Сара знает,
Какая ждёт её судьба
За то, что служит, угождает
Тебе по воле, как раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвенчаешься, а с нею
Простишься, и её на двор
Метлою выметут, как сор.
Елецкой

Ты совершенно сумасбродишь!
Какие странные мечты!
По пустякам горюешь ты
И на меня тоску наводишь.

Сара

А кто, бывало, говорил,
Ко мне ласкаясь то и дело:
„Тебя я, Сара, полюбил.
Жить одному мне надоело,
Будь мне подругою! со мной
Живи под кровлею одной!
Я нравом весел; живо, шумно,
В пирах и песнях завсегда
Мы будем проводить года“.
Я согласилась безумно.

Что ж вышло?

Елецкой

Из моих речей
Тобой забыта половина.
Я говорил: твоя судьбина
Не будет скована с моей!
Покуда любо жить со мною,
Живи! наскучило – прощай,
Былую радость поминай!
С твоей свободой той порою
Я выговаривал мою.
Но я тебя не узнаю!
И, сердце будущим тревожа,

Ты на цыганку не похожа.
Ваш род беспечен.
Сара
Проклят он!
Он человечества лишён!
Нам чужды все края мирские!
Мы на обиды рождены!
Забавить прихоти чужие
Для пропитанья мы должны.
Я о себе молчу: цыганка
Вам не подруга, а служанка!
Она пляши и распевай,
А сердцу воли не давай.
Елецкой
Оставь пустые опасенья,
Не разлучимся мы с тобой,
Хотя другого поколенья,
Родня я вашему судьбой.
И я, как вы, отвержен светом,
И мне враждебен сердца глас...
Не распадётся, верь мне в этом,
Цепь, сопрягающая нас.
Когда с цыганкой молодою
Судьба Елецкого свела,
Своей разгульною душою
Она мила ему была.
„Я горя знать не буду с нею.
Каких тяжёлых, чёрных дум,
Мне иногда гнетущих ум,
Свободной резвостью своею
Не удалит она сейчас?
Кому при блеске этих глаз
Приснятся мрачные печали?“
Так думал он; но дни мелькали;
К её душе своей душой
На продолжительное время
Не мог пристать Елецкой мой.
Ему потом уж стали в бремя
Затеи девы удалой.
Не принимая в них участия,
Уж он желал другого счастья:
Души, с которой мог бы он
Делиться всей своей душою.
Надеждой тёмной увлечён,
Он Саре пробовал порою
Передавать свои мечты;
Но образованного чувства
Язык для дикой красоты
Был полон странной темноты.
Она, не ведая искусства,
Под речи друга своего
Без всякой совести зевала,
Иль в скором времени его
Сторонней шуткой прерывала;
Но смутно трогалась, и ей
Невразумительных речей
Цыганка голос понимала.
Подруге ветреной своей
Он ежедневно был милей,
Но к ней хладил по той же мере.
Когда, любовью вспыхнув к Вере,
Он нравом стал ещё мрачней,
Она развлечь его хотела,
Она родные песни пела,
Она по стульям, по столам
С живыми кликами скакала;
Она при нём по пустякам
Как можно громче хохотала;

Но завсегда её смущал
В то время взор его брюзгливый,
Пред ним порыв её игривый
В одно мгновенье упал.
Она сердилась и роптала,
И грусть давила сердце ей,
И тщетно Сара призывала
Покой и радость прежних дней.

ГЛАВА V

...
...
...
...
...
...
...
...

Как часто в середине бала,
Когда уж музыка играла
Иль поурри, иль котильон
И Вера, со своим танцором
Наскуча пошлым разговором,
Погружена в сторонний сон,
Глазами молча провожала
Среди блистательного зала
Пред нею вьющаясь чета, –
Елецкой речью своею,
Нежданно слышимой за нею,
Вдруг прерывал её мечты.
Довольно холодно сначала
С ним в разговор она вступала,
Но оживлялася потом,
И, ободрен её вниманьем,
Он был заманчивым свиданьем
К свиданью новому влеком.
Однажды он за стулом Веры
Средь вихря бального сидел.
В своих речах уж не умел
Он соблюдать холодной меры;
Она исчезнула. Лишён
Над пылким сердцем всякой власти,
Уж говорил открыто он
С ней языком мятежной страсти.
Кончая, „Дайте мне ответ! –
Он молвил. – Много во вред
Мне городская злоба трубит;
Сжился я со враждой молвы;
Но вы? что думаете вы
О том, который вас так любит?“
Вера
Что все другие; даже мне
Еще известнее, как права
О вас рассеянная слава,
Как должно верить ей вполне.
Елецкой
Вам всех известней? Вы всех строже?
Но почему же, отчего же?
Вера
Когда глаза мои в тот раз
Меня в обман не приводили,
Словами вашими сейчас
Двух, не одну вы оскорбили.
Елецкой
Я вашей искренности рад.
Уже в судьбе моей стократ
Я с вами жаждал объясненья!
Примите исповедь мою,
Весьма во многом, нет сомненья,

Останусь я без извиненья,
Но ничего не утаю.
Елецкой в тягостную повесть
Минувших дней своих вступил,
Свою запутанную совесть
Он перед Верой обнажил;
Поверил ей без украшенья
Свои былые заблужденья,
К которым, впрочем, был влеком
Он меньше сердцем, чем умом.
С её случайною знакомкой,
Своею смуглой однодомкой,
Своё сближенье передал,
Как сам его он понимал:
Одним внушением унылым
Души, томимой пустотой,
Союзом, столько же постылым
Теперь ему, как ей самой.
„К ней обратиться, – он прибавил, –
Безумный миг меня заставил;
Ошибся я в себе и в ней.
Нет, нет! я не был с нею дружен!
Я для души её не нужен, –
Нужна другая для моей“.
И тихо речь его журчала
За Верой, ей одной слышна.
Но что? вникала ли она
В слова его? Она молчала;
Была чуть-чуть обращена
К нему щека её одна;
Но это легкое движенье
Заметить было мудрено,
Злословье самое оно
Не привело бы в искушенье.
Ей изменяло лишь одно:
Вниманье к балу притупело,
И краснощёкий офицер,
Тогдашний Верин кавалер,
Её в то время то и дело
К порядку танца пробуждал
И ей фигуры толковал.
Природа Веру сотворила
С живою, нежною душой;
Она ей чувствовать судила
С опасной в жизни полнотою.
Недавно дева молодая,
Красою свежее блистая,
Вступила в вихорь городской.
Она ещё не рассудила,
Не поняла души своей;
Но тёмною мечтою в ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плениться не могла
Её несвязною судьбиной;
Хотело б сердце у неё
Себе избрать кумир единой
И тем осмыслить бытие.
Тут романтические встречи
С героем повести моей,
Его задумчивые речи
Тревожить стали душу ей.
Одно, быть может, впечатленье
Ей берегло воображенье...
Его рассеял он. С какой
Благополучною душой
С тех пор она ему внимала!
С какою сладостью о нём

В невольном забытьи своём
Уединённая мечтала!
Как, новой жизнью дыша,
Легко ей было! Как блистала,
Как ликовала в ней душа!
Девушка юная не знала,
Живого счастья полна,
Что так доверчиво она
Одной отравой в нём дышала;
Что сей приветный ветерок,
Её ласкающий так нежно, –
Грозы погубительной пророк;
Что вдруг дохнет она мятежно,
И мир в глазах её затмит,
И все красы его разрушит,
И все цветы его иссушит,
И жизни путь опустошит.

ГЛАВА VI

Летели дни. Свои свиданья
Елецкой с Верой продолжал,
И с каждым больше упованья
Любви своей он обретал.
Увы! старательно скрывая
Заботу сердца, между тем,
Наверно дева молодая
С ним не обмолвилась ничем;
Но не владела выраженьем
Лица невинного она,
На нём со всем её смятеньем
Была душа её видна.
„Любим я!“ – с ропотом и мукой
Елецкой сам себе твердил.
Великий пост уж подходил
И с Верой скорою разлукой,
Разлукой долгою грозил!

...

...

„Нет! – мыслит он, – до расставанья,
Во что бы ни было, должна
Решить судьбу мою она!“
Он ждёт удобного мгновенья;
И вера, время разлученья
Предвидя, днями дорожит
И их считает и грустит.
Уехал дядя. В тихой зале,
При свете двух свечей, одна,
Твердила на своём рояле
Урок докучливый она;
Полна душой другой заботы,
Насильно всматривалась в ноты..
Вдруг... протянувшись перед ней,
Закрывает их рука чужая.
Ветр пошатнул огонь свечей;
Вздрогнула дева молодая,
Оборотилась, глядит –
Елецкой перед ней стоит.
„Не беспокойтесь, ради бога!
Какая странная тревога
У вас написана в глазах!
Я вас прошу, не уходите!
Чего боитесь вы? сидите,
Я все скажу вам в двух словах“.
Вера
Я не могу остаться с вами!
Подите. Разговор такой
Мне неприличен. Боже мой!
Одна я, видите вы сами!
Подите.

Елецкой

Наперёд я знал,
Что я застаю вас одною,
Одну я видеть вас желал.
Остаться должно вам со мною,
Вам должно выслушать меня.

Вера

Оставьте до другого дня,
Я умоляю вас, подите!
Мой дядя будет сей же час.

Елецкой

Один вопрос: люблю я вас,
Вы это знаете. Скажите:
Я равнодушен вам иль нет?

Вера

На всё, на всё один ответ:
Подите!..

Елецкой

Вы ли говорили?

Я ль слышал вас? и не во сне!
Я не любим... Зачем же мне
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачем
Вы мне тотчас не показали?
Зачем, скажите, мне внимали
Вы так приветно между тем?
Зачем, глаза мои встречая,
Не отводили ваших глаз?
Зачем дышала всякий раз
В них дума нежная такая?
Дитя! кокетки записной
Постигнув опытную ролю,
Признайтесь: вы играли вволю
Моей безумною душой!
Кто б мог подумать! в ваши лета!
Мою любовь мне не забыть;
Желал бы я её предмета
Не презирать. Но, так и быть!
Прощайте!

Вера

Нет! такого мненья
Я не оставлю ни за что!
Неправы ваши заключенья.
Я прямодушна. Я не то
Сказать хотела... Нет... Просите
Руки моей, и если...

Елецкой

Вы?

Вы мне об этом говорите?
А восклицанья всей Москвы!
На наш союз ваш дядя строгой
Не согласится никогда;
Молитвы будут без плода.
Нет, Вера, нет! другой дорогой
Идти нам должно. Для венца
Сегодня ночью у крыльца
Я ждать вас буду. Всё готово.
Бежать со мною дайте слово!
Любовь слепая мне нужна.
Решитесь.

Вера

Я изумлена
Таким нежданным предложеньем.
Нет, это будет преступленьем!
Нет, я и думать не хочу!
Я так ужасно огорчу
Того, который...

Елецкой

Всё забудет
Он, нашим счастьем счастлив,
И напоследок справедлив
Он и ко мне, наверно, будет.
Ему (вам нужно ль обещать?)
Я буду сыном самым нежным.
Страдал я долго безнадежным –
Ах, Вера! снова ли страдать!
Меня вы любите; судьбиной
Оставлен нам исход единой.
Ах, Вера, Вера! сердце в вас
Сей миг решительный измерит,
Меня печально разуверит
В нём малодушный ваш отказ.
Всё, всё он кончит между нас!
Бегите, Вера! дайте руку...
Не на ужасную разлуку,
С которой не сживуся я,
Но на союз святой и вечный.
Мой милый друг, мой друг сердечный!
Скажи: не правда ль? ты моя?
Вера
Люблю, люблю я вас... Но что же?
Что предлагаете вы мне?
На что решиться? Боже, боже!
Подумать дайте в тишине!
Елецкой
Я знаю, горестная мера;
Но – ты ль не видишь? – нет иной!
Решись!
Вера
Не нынче!
Елецкой
Нынче, Вера;
Сегодня, друг бесценный мой!
Недолго дева молодая
Ещё противилась ему.
Он нежно к сердцу своему
Прижал её. Лицом пылая,
Потупя взор, склонив главу,
Она умом изнемогала
И, ни во сне, ни наяву,
Своё согласие прошептала.
Елецкой ликовал душой;
По тёмной улице домой
Он шёл походкою весёлой.
Но у порога своего
Остановился: ум его
Смутился думою тяжелой:
Там Сара! – В голове своей
Уже Елецкой принял меры,
Чтоб неприличной встрече с ней
Вновь не подвергнуть милой Веры.
Москву с невестой в эту ночь
Покинет он; обряд венчальный
Он совершит в деревне дальней;
Он всё предвидел, все точь-в-точь
Обдумал. Сары он не знает;
Любовью в ней не почитает
По нём расчётливой любви;
Не верит в ней ревнивой муке.
„Из них любую призови –
Все твёрды в нужной им науке!“ –
Так мыслил он. Но в этот миг...
Иль Сару лучше он постиг
При наступающей разлуке?
Упрек в душе его возник.
Его докучное внушеньё

Он опроверг в уме своем
И, отряхнув недоуменье,
Вошел в свой дом, где в то мгновенье
И Сара думала о нем.

ГЛАВА VII

Грустила брошенная Сара;
Но в этот вечер было ей
Ещё грустней, ещё тошней.
Почти болезненного жара
Была тоска её полна.
В своём волнении она
Платком в лицо себе махала –
Прохлады воздух не давал,
Но кровь ей пуще волновал!
Иглу к работе принуждала –
Колола пальцы ей игла.
Гадать цыганка начала –
Ещё тошнее: карты врили,
Когда ей счастье предрекали,
И наводили страх, когда
В них выходила ей беда.
Их со стола она столкнула,
Шитьё отбросила, вздохнула,
На стол локтями опершись,
Цыганка стиснула руками
Чело... и смятыми кольцами
Вкруг пальцев кудри обвились.
Закрыв глаза, она сидела...
Вдруг шепчут: „Сара, Сара!“ – к ней
В покой из боковых дверей
Цыганка старая глядела.

Сара
Ненила, ты? войди скорей;
Я заждалась тебя, Ненила;
Совсем я брошена, совсем!
Не угрожу ему ничем.
Хотя бы ты мне услужила!
Что, принесла ли?

Старуха
Принесла.
Да уж насилу добрела,
Метель такая закутила!
Гляди-ка – вот твоё вино!
Уж удружит тебе оно;
Спасибо скажешь.

Сара
Ах, Ненила!
Верь, ты мне душу воротила!
Я полюблюсь ему опять?
Да полно, правда ль?

Старуха
Что мне лгать!
Лишь дай испить, сама увидишь!
Он обвенчается с тобой,
И заживёшь ты госпожой,
А там старухи не обидишь.
Ты мне поверь, моя красотка,
Придут благие времена!

Сара
Как я тобой одолжена!
Но там идут... его походка;
Поставь подарок свой на стол.
Да и прощай, уйди отселе,
Уйди скорее!

В самом деле,
Елецкой в комнату вошёл.
В глазах его была суровость,
Пред Сарой молча он ходил;

Речь наконец к ней обратил.
„Тебе сказать я должен новость:
С тобой я скоро расстанусь.
Послушай, Сара! я женюсь“.
Лицо у Сары побледнело
И загорелось в тот же миг.
Нож острый в сердце ей проник,
Оно то стыло, то кипело;
Хотела б смертная тоска
Излиться воплем и слезами...
Рвались бурными волнами
У ней попрёки с языка...
Но эти первые движенья
Она в себе перемогла
И голос мирный обрела,
Хотя дрожащий от волненья.
„Давно я этого ждала!
Не удивишь меня разлукой, –
Сказала Сара. – Долгой мукой
Я приготовлена была.
А скоро ль свадьба?“
Елецкой
В доме этом
Я не ночую; не жалею
О старине. В судьбе твоей
Я обязуюсь ответом,
И уж подумал я о ней;
Довольна будешь.
Сара
Мне не нужно
Постылых милостынь твоих.
Не беспокойся, и без них
С тобой расстануся я дружно.
Пенять не буду я тебе.
Жила я весело, счастливо;
Теперь не то, – какое диво?
Не всё стоять одной судьбе!
У нас верна одна могила;
А кто на свете долго мил?
Как ты сегодня разлюбил,
Так я бы завтра разлюбила;
За что сердиться?
Елецкой
Очень рад.
Дай руку, Сара! Пред тобою
Я совершенно виноват.
Я вижу, выше ты душою,
Чем полагал доселе я:
Ты не притворщица пустая.
Обыкновенье ваше зная,
Я ждал упрёков, слез, вытья...
Спасибо, нет их; без сомненья,
Простимся дружно мы с тобой.
Мила ты, Сара!
Сара
Плач и вой
В душе... Но что до сокрушенья!
В слезах и воплях толку нет.
Мы расстаёмся? Власть Господня!
Простимся весело. Сегодня
Я именинница, мой свет!
В последний раз моё здоровье
Ты должен выпить... но до дна!
Как в старину; смотри ж: условие!
Не то сейчас заплачу... На!
Елецкой
Твоё здоровье? Рад душою...
И вот – ни капли нет на дне.

Надеюсь, ты довольна мною?

Сара

Спасибо! Сядь теперь ко мне,
Поговорим по старине.

И с равнодушным послушаньем
К ней на диван Елецкой сел,
Но, далеко уже мечтаньем,
Он на часы свои глядел.

„Скажи мне, – Сара продолжала, –
Судьбою новою своей
Доволен ты?“

Елецкой

А что?

Сара

Ей-ей!

Я коротко твой нрав узнала:
Не переменишься ты в нём...
Привык ты к беззаботной доле,
Разгульной жизни, вольной воле,
Стошнишь порядочным житьём.
Наскучит, твёрдо предрекаю,
Тебе и милая твоя, –
Тебе наскучила же я!
Жаль бедной! По себе я знаю,
И слишком знаю, каково!
Как я бы выла да рыдала,
Когда бы втайне не питала
Еще у сердца моего
Одной надежды!

Елецкой

Полно, что ты?

Все были кончены расчёты, –
Что за надежда?

Сара

Брежу я.

И как равняться я посмею
С невестой счастливой твоею!
О ней единой мысль твоя;
Ты ею дышишь. Ах, царица,
Царица светлая она!

Я перед нею пыль одна.

Но... в ум придет же небылица!

Забудь любовь свою на час:

Какая разница меж нас?

Что я цыганкой уродилась?

Что нет за мною сёл, хором?

Что говорить не научилась

Я иностранным языком?

Вот всё. Не шутка, очень знаю!

Но сердцем я не уступаю

Твоей невесте. Чем она

Любовь поныне доказала?

Какие слёзы проливала?

Что перенести была должна?

А я... что слез я источила,

Каких обид не проглотила,

Молчанье горькое храня!

Ты разлюбил, я всё любила;

Ты гнал безжалостно меня –

К тебе я, злобному, ласкалась,

Как собачонка. Рассмотря

Меня получше: говори,

Такая ль я тебе досталась?

Глаза потухнули от слез;

Лицо завяло, грудь иссохла;

Я только, только что не сдохла!..

Ты все молчишь?

Елецкой

Тебе нанёс

Я много горя... Я не ведал,
Когда другой мой жребий предал,
Что ты... Но что со мною?.. Свет
В глазах темнеет... всё кружится...
Мне дурно, Сара, дурно...

Сара

Нет!

Я знаю, что в тебе творится.
В душе мятущейся твоей
Я чудным чудом оживаю,
Разлучницы проклятой в ней
Бесовский образ погашаю.
Бледнеешь ты... Немудрена
Измена мне, а ей страшна!
Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она, крушись она!
С тоски иссохни, как лучина!
Умри она! ты мой: приди,
Прижмись опять к моей груди!
Очнись от лютого угара,
Приди, и всё забуду я.
Узнай меня, узнай: я Сара!
Я Сара прежняя твоя.
Цыганка страстными руками
Его, рыдая, обвила
И жадно к сердцу повлекла.
Глядел он мутными глазами,
Но не противился. Главой
Он даже тихо приклонился
К её плечу; на нём, немой,
Казалось, томно позабылся.
По грозной буре, тишина
Влилась отрадно в сердце Сары.
„Он мой! подействовали чары!“ –
С восторгом думала она.
Но время долгое проходит –
Он всё лежит, он всё молчит;
Едва дыханье переводит
Цыганка. „Милый мой!.. Он спит.
Проснись, красавец!“ Зов бесплодный;
Миг страшной истины настал:
Она вгляделась – труп холодный
В ее объятиях лежал.

ГЛАВА VIII

Стояла ночь уже давно.
Градские стогны опустели;
В домах уснувших ни одно
Не озарялося окно,
Все одинаково чернели.
Луна не светит, всё молчит;
Лишь ветер воет и свистит,
Метель до кровель воздымая.
Обету своему верна,
До самой улицы одна
Доходит Вера молодая;
Никем не встречена она.
В лицо суровый и холодный,
Ей дует ветер непогодный,
И ночь ненастная черна.
Она стоит; она мгновенья
Считает, полная волненья...
Бегут мгновенья! Вера ждёт –
Он не приходит; не придёт!
В ней сердце замерло... девицу
Приемлет снова прежний кров.
Уж ранний вой колоколов
Порою той будил столицу,

И в город, сквозь ночную тень,
Уж, голубея, крался день.
Холм, под которым спит Елецкой,
Где он забыл любовь, вражду,
Где равнодушен он к суду
Толпы и светской и несветской,
Уж не однажды порастал
Весенней, новою травюю,
И снег пушистой пеленою
Его не раз уж покрывал.
Но долго ль юноша несчастный
Жил в сердце Веры? Много ль слез,
Её сердечных первых грез,
У ней исторг обман ужасный?
В ту ж зиму, с дядей-стариком
Покинув город, возвратилась
Она лишь два года потом.
Лицом своим не изменилась,
Блится тою же красой;
Но строже смотрит за собой:
В знакомство тесное не входит
Она ни с кем. Всегда отводит
Чуть-чуть короткий разговор.
Подчинены её движенья
Холодной мере. Верин взор,
Не изменяя выраженья,
Не выражает ничего.
Блестящий юноша его
Не оживит, и нетерпенья
В нём не заметит старый шут;
Её смешливые подруги
В нескромный смех не вовлекут;
Разделены её досуги
Между роялем и канвой;
В раздумье праздном не видали
И никогда не заставали
С романом Веры Волховской.
Девницею самой совершенной
В устах у всех она слывет.
Что ж эту скромность ей дает?
Увы! тоскою потаённой
Ещё ль душа её полна?
Ещё ли носит в ней она
О прошлом верное мечтанье
И равнодушна ко всему,
Что не относится к нему,
Что не его воспоминанье?
Или, созрев умом своим,
Уже теперь постигла им
Она безумство увлеченья?
Уразумела, как смешно
И легкомысленно оно,
Как правы принятые мненья
О романтических мечтах?
Или теперь в её глазах
За общий очерк, в миг забвенья,
Полусвершённый ею шаг
Стал детской шалостью одною,
И с утонченностью такою,
Осмотру светскому верна,
Его сама перед собою
Желает искупить она?
Одно ль, другое ль в ней виною
Страстей безвременной тиши –
Утрачен верой молодою
Иль жизни цвет, иль цвет души.
Куда заснувшю столицей
При ярком блеске зимних звезд

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru

В санях несётся вереницей
Весельчаков её поезд?
К цыганам. Пред знакомым домом
Остановились. В двери с громом
Стучат; привычною рукой
Им отворил цыган седой.
В хоробах спящих тьма густая,
Но путь знаком. Толпа лихая
Спешит проникнуть в тот покой,
Где, ночи шумной ожидая,
Ещё с вечерней первой мглой
В свои постели пуховые
Легли цыганки молодые.
Уж гости ветреные там,
Уж кличут дев по именам.
Но всё египетское племя
Кругом приезжих в то же время
С весёлым шумом собралось,
И свеч сиянье разлилось.
Дремоту девы покидают,
Встают на общий громкий зов,
Платками плечи прикрывают,
Ногами ищут башмаков
И вот уж весело болтают,
И табор к пению готов.
Одна цыганка на постели
Сидит недвижно. На гостей
Глядит сердито. Роем к ней
Подруги смуглые подсели;
Свой дикий взгляд она хранит,
Устами молча шевелит
Или бессмысленно порою,
Вздыхнув, качает головою.
Но грянул своенравный хор –
Блеснул её туманный взор,
Уста улыбка озарила;
Воскреснув в крике хоровом,
Она, весёлая лицом,
С ним голос яркий согласила.
Умолкнул хор – и вновь она
Сидит сурова и мрачна.
Так воротилась в табор Сара.
Судьбы последнего удара
Цыганка вынести не могла
И разум в горе погребла.
Вотще родимые напевы
Уносят душу бедной девы
В былые, лучшие года!
Так резвый ветер иногда
Листок упавший подымает,
С ним вьется в светлых небесах,
Но, вдруг утихнув, опускает
Его опять на дольний прах.
1829–1831, 1842

„Наложница. Сочинение Е. Боратынского. М. 1831“

„Цыганка, переделанная в 1842 г. Написана в 1830“

Примечания

1 – В сенате третьего я класса, А здесь в 15-й попал. Прим. соч.

2 О румяная девушка, как тебе идёт имя Аврора! Излучай свет, как можно больше света сердцам, которые ты лишила сна. Услышь страдающий голос предусмотрительной юности: «Для кого настаёт этот прекрасный день? Для кого эта очаровательная Аврора будет солнцем любви?»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Полное собрание сочинений. Евгений Абрамович Баратынский baratynsky.ru
<http://baratynsky.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!